

Эрик Хёсли
Сибирская
ЭПОПЕЯ

Эрик Хёсли

Сибирская эпопея

«Паулсен»

2018

УДК 94(57)
ББК 63.3

Хёсли Э.

Сибирская эпопея / Э. Хёсли — «Паулсен», 2018

ISBN 978-5-98797-265-6

В представленной читателю книге журналиста, писателя и профессора EPFL (Федеральной политехнической школы Лозанны) Эрика Хёсли соединилось профессиональное, живое перо автора и его страсть к научной работе. Подробно и глубоко он анализирует историю, которая, по его мнению, превосходит любой вестерн — великий поход в Сибирь и завоевание русского Севера. Перед нами не только архивные страницы этой эпопеи, — хотя фактическая сторона дела написана очень скрупулезно и сопровождается картами и ссылками на архивы и документы, — но интерес автора к людям: их поступкам, мотивам, чувствам, идеям и делам. Можно смело назвать эту книгу особенной — она представляет нам сибирскую эпопею историей с человеческим лицом. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(57)

ББК 63.3

ISBN 978-5-98797-265-6

© Хёсли Э., 2018

© Паулсен, 2018

Содержание

От автора	6
Первая часть	7
Строгановы: купцы из тридевятого царства	7
Иван Грозный и «олигархи» Строгановы	13
В погоне за «мягкой рухлядью»	25
Северное окно в Европу	39
Урал позади	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эрик Хёсли

Сибирская эпопея

В память о моем большом друге Эмми Голдакер-Аттингер (1919–2017), которая пережила 10 страшных лет в ГУЛАГе и смогла вернуться с любовью к России в своем сердце

Артуру, Эмилю и Полин со всей моей любовью

© Éditions des Syrtes, Genève, Suisse, 2018

© Éditions Paulsen, Paris, 2018. Les éditions Paulsen sont une société du groupe Paulsen Media

© Cartographie originale: Léonie Schlosser

© ООО «Паулсен», 2021

От автора

Завоевание Запада: прерии, колонны повозок, атаки сиу или ирокезов, наплыв золотоискателей... Любой европеец может немедленно проассоциировать с этими словами великие имена, названия романов или известные фильмы. А на Востоке? От Урала, там, где текут глубокие реки, до Китая и Тихого океана или даже до Аляски. Назовите мне несколько имен! Обычно в ответ на этот вопрос возникает неловкая тишина. И все же! Сколько невероятных приключений, трагедий, актов самопожертвования связано с продвижением русских к Великому Океану!

Путешествуя в течение многих лет по огромной матушке-Сибири, знакомясь с русскими и зарубежными источниками, высоко оценивая труд несправедливо забытых местных историков, а также пользуясь помощью сегодняшних жителей Сибири, я взялся изложить в максимально доступной форме эту фантастическую эпопею. Казаки, промышленники, миссионеры, моряки, ученые, купцы, ссыльные, художники, заключенные, геологи, инженеры и полярные исследователи – они герои глав истории великих открытий, еще не завершенных в начале XXI века. Восторженный прием читателями этих неизвестных, ранее проигнорированных страниц как русской, так и мировой истории лишний раз убедил меня в том, что европейцам явно есть чему поучиться у России. Судьбы Строганова, Дежнёва, Шелихова, Сидорова, Сибирякова, судьбы узников сталинской стройки 501/503 или геологов XX века стоят всех вестернов. То, что эпос о покорении Сибири теперь доступен на русском, в конечном счете лишь воздает должное этим героическим людям. Кроме того, моя книга – дань уважения всем тем, кто помог мне реализовать мою идею.

Ваш Эрик Хёсли

Первая часть «Встречь солнцу»

Строгановы: купцы из тридевятого царства

Здесь начинается сибирская одиссея. Величественное зрелище, от которого захватывает дух. На правом берегу Вычегды, всего в нескольких десятках метров от реки, высоко над миром несёт золоченые купола Благовещенский собор. Мощные и величавые белые стены с бойницами поднимаются в бескрайнее небо, и нет ни одной возвышенности – ни искусственной, ни природной, – которая осмелилась бы бросить ему вызов. Рассветы и закаты отражаются в воде, и их отблески окрашивают церковь то розовым, то абрикосовым цветом. Центральный купол символизирует Спасителя, а остальные четыре, более скромные, обращенные на четыре стороны света, – евангелистов.

Благовещенский собор возведен в 1560 году, когда в России было не так уж много каменных зданий. Это был мир деревянного зодчества, и удивительный собор воспевал не только мощь Церкви, но и могущество своих основателей. Все в нем – пропорции, элегантность, сводчатые часовни – словно напоены флорентийским духом. Чем не соперник Благовещенскому собору, стоящему в самом сердце Кремля, который как раз в эту эпоху подновляет Иван Грозный? Московский Благовещенский собор – домовая церковь русских царей. А собор на берегу Вычегды в 830 км от столицы – храм купцов Строгановых, символ головокружительного взлета этой семьи и знак ее благодарности Всевышнему.

К собору подступает скромный городок Сольвычегодск. Сейчас он лишь бледная тень торгового города XVI века, в котором кипела жизнь. Шли десятилетия, и на этом далеком берегу поднялись друг за другом еще 12 церквей и монастырей. В конце XVIII века некий местный житель, глядя из окна своего дома на противоположном берегу набросал своего рода панорамный вид Сольвычегодска. Тонкие линии, детально отражающие вереницу колоколен, куполов и множество православных крестов, усеивающих берег и прилегающие земли этого северного лесного края, – единственное известное нам изображение того времени.¹ Большевики в своей разрушительной ярости стерли с лица земли десять церквей и все монастыри. Но в начале XVI века Сольвычегодск мог стать одной из опор русского мира. Этот город у северо-восточных пределов тогдашней Руси выпестовал Строгановых – землевладельцев, сыгравших важную роль в развитии страны. Никто не мог тягаться с богатством и могуществом этого рода, давшего свое имя множеству дворцов и улиц по всей России. Именно здесь, на Вычегде, в «семейном гнезде» Строгановых, как говорили они сами, родился план завоевания Сибири.

Во времена Ивана Грозного Сольвычегодск, находясь очень далеко от больших городов, служил своего рода аванпостом российской границы. Восточнее, вверх по течению Вычегды, простирались дикие, мало изведанные земли. В верховьях реки находились небольшие Михайло-Архангельский Усть-Вымский и Троице-Стефано-Ульяновский монастыри, основанные Стефаном Пермским в конце XIV века. За ними Вычегда еще судоходна на протяжении нескольких сотен километров. Она берет начало в предгорьях Урала, «Каменного пояса», как называют его в России. Не очень высокие (самая высокая вершина Народная, высотой 1 895 м, лежит далеко к северу) Уральские горы разделяют Европу и Азию, образуя естественную границу между ними. Севернее, на границе тундры, вдоль Печоры, можно обнаружить несколько зимовок охотников. Никаких других следов обитания русских здесь не сыскать. Леса и болота, занимающие огромную территорию, – это земли зырян (современные коми), черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов) или вогулов (манси) – кочевников, живших, главным

образом, охотой. Коренные жители этих мест для обмена или продажи своей добычи иногда добирались до Сольвычегодска. Но в целом просторы, лежащие в верховьях Вычегды, – *terra incognita*.

Западнее узкая лента Вычегды впадает в Северную Двину, которая катит свои воды еще 700 км в сторону Белого моря – Арктики. Это Поморье – край поморов, русского населения бассейнов Двины и Белого моря. На берегах реки – деревни поселенцев, оказавшихся здесь лет четыреста или пятьсот назад. Они живут летней и зимней рыбалкой, охотятся и обрабатывают дерево. Поморы прибыли из Великого Новгорода во времена гремевшей по всей северной Европе Новгородской республики. Они славятся как первопроходцы, смелые и независимые. Если подняться вверх по течению Двины, можно достичь Великого Устюга, второго торгового центра русского Севера. В Вологду и Москву нужно добираться сначала по реке, а затем волоком – всего несколько недель. Возведенный на восточной границе обжитого мира городок Строгановых отмеряет две трети пути от столицы до берегов Белого моря и устья Двины, единственного в то время выхода к морю, открытого кораблям всех стран.

Откуда пошел род Строгановых, неясно; во всяком случае, у историков нет общего мнения по этому поводу. Довольно долго ходила легенда, повторявшаяся и в XVIII веке, что род этот имел татарские корни: якобы предки Строгановых отреклись от мусульманской веры ради того, чтобы приблизиться к великому князю, и навлекли на себя строгую кару хана (отсюда и фамилия Строгановы). Упоминались также и предки, бежавшие от междоусобиц, терзавших Россию в XV веке. С XI века огромное пространство, покрытое лесами и реками, на северо-востоке современной европейской России, осваивали жители Великого Новгорода, торгового города, входившего в Ганзейский союз. Когда Новгород пал, побежденный соперницей – Москвой, в городе начались жестокие казни, и многие его жители, ища спасения, бежали в отдаленные земли. Были ли Строгановы в их числе? Недавние исследования позволяют лишь утверждать, что семья происходила из крестьян и что уже несколько поколений Строгановых жило на берегах Вычегды прежде, чем шагнуть в историю.

* * *

Сага начинается в 7023 году по старому русскому православному календарю, в 1517 году – по европейскому. Анике (Аникею, Иоанникию) Фёдоровичу Строганову идет восемнадцатый год, когда он решает завести совершенно новый для Сольвычегодска промысел: добычу соли из небольшого соляного озера, примыкающего к его владениям. Извлекая подземные рассолы с помощью кустарной системы труб и желобов, выпаривая их на нагреваемых противнях (цренах, или чренах), Аника сумел получить достаточно соли, чтобы начать торговлю. Этот товар бесценен. Московская Русь практически совсем не производила соли и вынуждена была закупать ее втридорога в Европе. Соль – продукт первой необходимости, она нужна, чтобы сохранять продукты, тем более в стране долгой зимы, где любая нехватка, если она затягивается, – предвестник возможного голода, и следовательно, таит угрозу немалых социальных потрясений. Инициатива Строганова дорогого стоит, и местные власти тут же замечают ее и сообщают об этом начинании в Москву. Юный Строганов без труда получает высочайшее дозволение на добычу соли.

Аникей Фёдорович Строганов – человек весьма необычный. До нас не дошло ни одного его портрета. Однако современники описывают Строганова как упорного, трудолюбивого, аскетичного, прижимистого чуть ли не до скупости, охотно носившего кафтан, в который рядились еще его дед и отец. Русь из-за татаро-монгольского ига лишена была Возрождения, не знала ни школ, ни университетов. Но Аника, живший на самом краю обжитого мира, был одержим книгами. Он покупает рукописи, обзаводится первыми печатными изданиями, которые привозят на ежегодную ярмарку по реке вместе с другими товарами. В основном это религи-

озная литература, поскольку Аника – человек глубоко верующий. На протяжении всей жизни он щедро одаривает Церковь. Он мечтает закончить свои дни простым безымянным монахом и, действительно, умирает в иночестве. Каждый его успех – коммерческий, политический или юридический – венчается тем, что на просторах, к освоению которых напрямую причастен род Строгановых, вырастает еще один монастырь или еще одна церковь. Благовещенский собор – всего лишь один тому пример. На стенах собора начертано, что он был возведен Аникой Строгановым, сыном Фёдора, а также его детьми, Яковом, Григорием и Симеоном, и внуками, Максимом, Никитой, Андреем и Петром, – «в вечную память» «отныне и присно и во веки веков».

Успехи Аники не в последнюю очередь объясняются тем, что в его делах принимала участие вся семья. От двух жен у Аники родилось тринадцать детей, но из сыновей выжили только трое. В семье Строганова царил патриархат. Летопись сохранила сцену отеческого гнева, обрушившегося на строптивую дочь: в наказание она была сброшена прямо с крыльца в реку. Однако трудилась семья на редкость спаянно. До самой смерти патриарх твердил о первостепенной важности «союза братского», в котором видел залог преуспевания. Впоследствии сыновья и внуки разделят огромные владения, однако сохраняют общее семейное дело, систему взаимной страховки рисков, преемственность привилегий и совместность начинаний. Об этом свидетельствует множество найденных писем, контрактов, взаимных гарантий, которые сплетают личные и коммерческие судьбы наследников в единое целое. Повинуясь воле отца, Яков, Григорий и Симеон уже в отрочестве принимают участие в управлении делами. На протяжении почти 20 лет они по очереди руководят целыми предприятиями. Даже дальние родственники, двоюродные и троюродные братья, работают в семейном деле, многие занимают высокие должности. Компания «Строганов и сыновья» быстро пошла в гору. Но в Сольвычегодске не только Аника с семейством выкачивают прибыль из соляных источников. Другие кланы тоже бросились добывать соль. Очень быстро число соляных варниц достигло девяноста.² Строгановы владеют тридцатью из них, а во второй половине века – уже пятьюдесятью. Они знакомятся с заезжими специалистами и, следуя их советам, совершенствуют технологию выварки соли. Производство расширяется. Строгановы заводят кузницы и начинают изготавливать оборудование для солеварен; они также ссужают деньгами конкурентов, постепенно попадающих в зависимость от них, погрязнув в долгах. Аника и его сыновья не жалеют для дела сил, однако они не чураются и куда менее достойных способов обогащения. Документы свидетельствуют, что семейство занималось «скупкой, закладами, ростовщическими сделками, подбирали посадские варницы, посадские лавки, амбары, кузницы и дворы».³ Пользуясь зависимым положением конкурентов, Строгановы скупают их солеварни одну за другой, щадя лишь дорогие им монастыри, которые кормятся этим же промыслом. Постепенно Строгановы прибрали к рукам весь местный соляной промысел. В солеварнях, разбросанных вокруг Сольвычегодска, им удавалось вываривать до 500 тонн соли в год, что составляло почти две трети всей добычи в стране.⁴ По сути, это первый опыт отечественной индустриализации, и Строгановы обязаны соли большей частью доходов. О неуклонном росте их оборотов свидетельствуют архивы, сохранившие великокняжеские грамоты, договоры, акты, залоговые документы, выданные по доброй воле или по принуждению.

Помимо соляного, Строгановы развивали и другие промыслы. Аника заинтересовался производством железа. Для кристаллизации соли необходимы большие прямоугольные противни (црены), разные желоба и трубы. Железо в те времена стоило очень дорого: из документа 1562 года о приобретении Строгановыми солеварни одного из конкурентов следует, что изделия из металла стоили в шесть раз больше, чем само помещение и земля, на которой оно находилось.⁵ Неподалеку были обнаружены железные руды, Строганов, сумев заполучить высочайшее дозволение на их добычу, открывает кузницы. Он занимается и сельским хозяйством, хотя

и ограниченным долгой и суровой зимой. Зерна не хватает, и Строгановы налаживают его доставку по реке.

Пшеницу завозят, соль и лен вывозят. У подножия Благовещенского собора строится пристань, где разгружают и загружают суда Строгановых. Их тоннаж очень быстро увеличивается от 160 до 1 000 тонн.⁶ Корабли с товарами бороздят реки, отправляются в бассейн Волги и Оки, ближе к Москве. Торговые дома Строгановых открываются и в крупных городах на междуречьях, которые преодолевают волоками.

Под Холмогорами, в Устюге, Вологде и, конечно, в Москве, Рязани, Твери и Нижнем Новгороде, где устраивались крупные ярмарки, Строгановы заводят свои отделения. За несколько десятилетий они покорили все крупные города России. После нескольких веков неподвижности, замечает историк Лев Гумилев, наступают новые времена и внезапно появляется поколение русских, для которых мир оказывается «слишком мал». Они ищут себя, они провидят новые цели. Строгановы жадны до знаний, им нужен весь мир, они мечтают повидать его, и торговля – лишь средство достичь желаемого. По Волге они плывут на юг, где закупают пшеницу. Первые каботажные суда, кочи, как у поморских рыбаков, снаряжаются для путешествия на север. Строгановы устремляются в Скандинавию и на Кольский полуостров, где находится самый северный пункт обмена товарами. Много позже археологические раскопки показали, что промысловые экспедиции Строгановых добирались до западных берегов Новой Земли, лежащей далеко в Северном Ледовитом океане.⁷ Сыновья Аники приглашают на службу Оливье Брюнеля, мореплавателя и путешественника из Брюсселя, и один из них отправляется с ним в Антверпен и Амстердам. Вместе они строят головокружительные планы проложить новый путь вдоль русских арктических берегов, добраться до Китая. Почему бы и нет? Строгановы берутся за все: продажа железа, изготовление разных приспособлений, в частности для бурения, управление крупными ярмарками, – словом, приобретают самый разнообразный опыт. Ни один товар, который можно купить или продать, не ускользает от их внимания.

Строгановы – великолепные организаторы. Они упорны и добросовестны. Список попадающего в сферу их интересов постоянно растет. В эпоху Ивана Грозного во всем царит произвол, но семья тщательно ведет и хранит свою документацию. Большая ее часть впоследствии обнаружена в лабиринтах «подпапертных» подземных помещений Благовещенского собора, превращенных в архив семейного дела. Во время раскопок там же были обнаружены темницы, куда Строгановы бросали своих врагов.

Чтобы вести учет делам, они находили специально обученных людей: нанимали конторщиков, «дьячков у письменных дел».⁸ Роль этих работников колоссальна. Все договоры и торговые соглашения переписывались столько раз, сколько это было необходимо, чтобы обеспечить копиями партнеров, клиентов или же отделения, которые в XVI веке стремительно открываются одно за другим по всей стране. У каждого дьяка свой круг обязанностей, своя зона ответственности, своя «печатка», легко узнаваемая и столетия спустя. Во владениях Строгановых построена специальная «административная» изба, где находились «дьячки большие», стряпчие, казначеи, торговые представители, готовые сопровождать товары в многодневном или даже многомесечном пути к месту назначения. Верхушку служащих, дьяков, особенно обхаживали и холили. Среди них были и крепостные, научившиеся всему на практике, и люди ученые, которых удалось обнаружить в крупных городах. Лучшие из них получают хорошее жалованье или другое вознаграждение: так, стряпчему Жданко Воронину, «бывшему челом во двор» Строгановых, «было дано высокое жалование – 30 рублей на год», «да платье ему сулено праздничное по воскресным дням и носильное платье сулено ему всякое, как и иным ево брате всякое платье давано на Москве, а на однорядку на носильную и на зипун и на нагавицы в штанов место посулены ему у Соли настрафильные или англинские».⁹ Служащие, которым доверяли сопровождать товары по рекам и доставлять их на ярмарки, имели право

параллельно завести свое дело. Для вербовки лучших специалистов Строгановы самолично ездят в Ярославль или в Москву, где можно заполучить какого-нибудь пленника, захваченного в Швеции, в Польше, в Литве, – в одной из стран, с которыми Россия воюет. Так называемые «пленные немцы» часто оказываются шведами или литовцами, их выкупают у тюремщиков и делают крепостными. Среди них есть инженеры, переводчики и даже врачи, и всем им, хотели они того или нет, пришлось направить свой талант на служение клану северных олигархов.

* * *

По мере расширения круга деятельности Строгановых вокруг Благовещенского собора вырастает настоящий городок. Это семейное гнездо вскоре становится центром всего Сольвычегодска. Они планируют строительство укрепленного дворца для размещения управляющих служб и многочисленной родни. В 1565 году вплотную к собору Аника возводит крепостную стену с тремя башнями. В его каменных стенах укрыты потайные ходы, ведущие в ров и связывающие часовни с покоями. Внутри стены разрастаются склады, мастерские, мельницы, кузницы. Снаружи, в городе и пригородах, расселяются работники Строгановых, число которых, согласно подсчетам исследователей,¹⁰ достигало примерно шестисот. В самом семейном гнезде, настоящем средневековом поместье, отводятся помещения для особо приближенных – деревянные дома или флигели, похожие на амбары. Они находятся на переднем и заднем дворах. Пройдя по крытым переходам и лестницам, можно оказаться в господском доме, где собирается все семья во главе с ее главой. В столовых комнатах – огромные дубовые столы, оловянная, серебряная и стеклянная посуда. Стены украшены шкурами бурых и белых медведей. В комнатах множество пышных икон, выполненных по заказу Строгановых самими знаменитыми иконописцами эпохи. В особом помещении расставлены книги, которыми Аника и его сыновья очень дорожили. Они составили одну из богатейших библиотек своего времени. В ней не меньше двух с половиной тысяч томов. Поскольку чтение – любимый досуг Строгановых, появилась небольшая походная библиотечка из двадцати – двадцати пяти книг, сопровождавшая коммерсантов во время частых и долгих путешествий.

Перед Благовещенским собором – торговая площадь, запруженная лавками мелких торговцев. Есть тут и кабаки, запасы горячительных напитков которых хранятся в специально отведенных подвалах собора. Летописец замечает, что в соборе витал благородный дух вина. Не обходилось, конечно, и без неприятных казусов: некоторые ретивые любители выпивки повадились осушать свои чарки прямо в подвале, и гул от их пирушек, бывало, нарушал церковное пение, внося беспорядок в дневные и вечерние службы. Дважды в год, в ноябре и июле, на площади и на прилежащих к ней улицах устраивали большие ярмарки. На них продавали северные и уральские меха. Июльская ярмарка была знаменита тем, что проходила одновременно с «ярмаркой невест», во время которой можно было быстро заключить брак. Вот что рассказывает очевидец Алексей Со-скин: «Приезжают в то время крестьянские дочери, девки, для избрания себе женихов и выхода замуж, который обряд состоит в таковой церемонии. Как те невесты приплывают по Вычегде в лодках и квартируют более на берегу с родственниками и знакомцами своими при тех лодках у продажи своих продуктов. Хотящие ж видети их женихи приходят к тем невестам и смотрят их. И естли покажется или пондравится, тогда желания от невест спрашивают, также и о приданном. И буде стыдливые невесты сами сказывать не хотят, тогда отвествуют вместо их находящиеся при них родственники и знакомцы. И когда согласное условие положат, тогда в церкви обыкновенно и венчаются. А в противном случае, естли их некто не возмет, или сами по себе не изберут, тогда отъезжают обратно восвояси со своим изготовленным приданным».¹¹

Анике удалось передать сыновьям любовь к тому, что было дорого ему самому. В холодное время года службы проходят в небольших боковых приделах собора, которые легче отапливать. Для украшения ансамбля приглашают самых талантливых мастеров – в Сольвычегодск приезжают живописцы и иконописцы из Москвы, Пскова и других художественных и религиозных центров. Благодаря Строгановым в небольшом торговом городке возникает школа иконописи и писания золотом, слава о которой распространилась по всей стране. Стены приделов украшают иконы – Страшный суд, Смоленская икона Богородицы или Троица с пунцово-красными красками, от которых невозможно отвести взгляд. Аника и двое его внуков, Никита и Максим, лично следят за всеми работами.¹² Они даже устраивают в своих покоях особые помещения, где хранят самые почитаемые иконы. Внутренняя часть собора также преобразуется: огромные суммы идут на создание великолепных «царских врат» в центре иконостаса. Фрески поднимаются по стенам до самых куполов, обещая верующим райские кущи.

Но интерьеры собора – еще не все. Строгановы интересуются и пением. Они часто приглашают в Сольвычегодск знаменитого певчего времен Ивана Грозного Стефана Гольша. Его хоральные аранжировки, известные как Усольский распев, и сейчас исполняются наряду с другими древними православными песнопениями.

Женщины семьи Строгановых также не обделены талантами: в своих покоях они изобретают особую технику шитья золотыми и серебряными нитками, которая будет передаваться из поколения в поколение. Постепенно развивается торговля речным жемчугом. Наконец, палитру художественных достижений, которыми Сольвычегодск обязан Строгановым, дополняет крашенная деревянная скульптура на религиозные темы.

В коллекции Строгановых есть немало икон, посвященных митрополиту Алексию, в 1354–1378 годах возглавлявшему русскую Церковь. Митрополит Макарий, ее глава в 1542–1563 годах, центральная фигура русского общества той эпохи, заметил особую любовь семьи к этому очень почитаемому святому. Одна из таких икон была заказана иконописцу Истому Савину. Это не только шедевр православной религиозной живописи, но и символ поддержки Строгановыми политики объединения православной Церкви – главной цели митрополита.¹⁴ Макарий известен не только как религиозный лидер. Он – единственный, кто имеет огромное влияние на Ивана Грозного. Макарий – духовный наставник царя, его исповедник и собеседник. Иван Грозный уважает и опасается Макария. До самой смерти в конце декабря 1563 года Макарий поддерживал замыслы Ивана Грозного. Объединение русских земель, признание Москвы третьим Римом, ставшее возможным после падения Константинополя в 1453 году, избавление от угрозы со стороны волжских и крымских татар – вот божественное предназначение, как полагал митрополит, Ивана IV.

Митрополит Макарий, духовный пастырь верующих, в том числе и Строгановых, ходатайствует за них в Москве. Строгановы старались изо всех сил, чтобы привлечь его внимание. Вслед за Благовещенским собором в Сольвычегодске строятся еще два. Потом – два монастыря, один из которых – монастырь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы выпадает на ноябрь, он знаменует начало зимы. Именно в этом монастыре Аника, принявший после смерти второй жены иночество под именем Иоасаф, закончит свой жизненный путь. По мере того, как расширяются владения Строгановых, по мере того, как царь дарует им или отдает в управление все новые и новые земли, повсюду на них возводятся монастыри, тотчас же поступающие в ведение московского митрополита. Благодаря Строгановым влияние православной церкви распространяется на восток, вдоль торговых путей.

Не только сам Аникей Строганов, но и его сыновья оставались искренними союзниками и апологетами Церкви. Но в еще большей степени они стали апологетами самого Ивана Грозного.

Иван Грозный и «олигархи» Строгановы

К середине XVI века Московская Русь уже стала самым обширным государством Европы. Но не самым мирным. И не самым стабильным. Посмотрим на карту. На западе и северо-западе страна граничит с морем. Шведы контролируют устье Невы и небольшую крепость, которая через полтора столетия даст начало Санкт-Петербургу. Они занимают также большую часть берегов Балтии, Ливонию (современную Латвию), портовые Нарву и Ригу. Оставшееся побережье – литовское и польское владения. Польша к тому же перегораживает сухопутную дорогу к немецким княжествам и герцогствам. Все эти государства – противники Московской Руси.

Отсутствие прямого выхода к морю – огромное неудобство для русского государства. Падение Ганзейской Лиги – мощной средневековой торговой корпорации – вызвало коммерческий бум во всей Балтии. Общий устав, а также особые права и привилегии городов – членов Лиги (в частности, Великого Новгорода) перестали действовать, и это развязало руки голландским, английским, французским, скандинавским и немецким мореплавателям, бороздившим северные моря. Если раньше учитывались лишь торговые интересы городов – членов Лиги, то теперь на первый план выдвинулись приморские государства, чья политическая и военная мощь была на подъеме. Королевство Дания установило высокую пошлину на проход через пролив Зунд («Зундскую пошлину») – практически единственный путь из океана в Балтийское море. Польша, Литва и Швеция заключили союз, чтобы не допустить русских купцов на балтийское побережье и помешать их непосредственным контактам с кораблями лидеров мировой торговли, бросившими якорь в портах этих стран.

У Московской Руси, имевшей гигантские территории, но находившейся в изоляции, не было другого выхода, кроме как прибегнуть к помощи торговых посредников, в качестве которых выступали соседние страны. Без портовых городов и без флота русские купцы не могли торговать самостоятельно на крупных ярмарках в Брюгге, в Антверпене, в Амстердаме, в Лондоне, в Бресте или в Дьепе. Ввозя товары, Московская Русь не пользуется таможенными правами, а при вывозе ей приходится подчиняться требованиям посредников – шведов, литовцев, поляков и их агентов. Положение усугубляло еще и то, что и драгоценные металлы, золото и серебро, позволявшие осуществлять денежные операции, Московская Русь также ввозила из соседних стран. К тому же она импортировала большое количество оружия, и, конечно, соседи были не в восторге от того, что оно проходит через их порты. Не удивительно, что русские купцы, чувствовавшие себя отрезанными от дразнящего процветанием мира, пребывали в унынии. Крупнейшим русским купцом являлся сам царь. Русская концепция государственности предполагала, что царь – главный собственник и владелец всех прав на то, что производят его земли. Он мыслит себя *ultima ratio* (предел разума – *лат.*) всей торговли.

Сложившаяся на юге и на юго-востоке ситуация также не особенно благоприятна для страны. Золотая Орда, мощное средневековое государство, основанное Чингисханом, – сюзерен русских великих князей на протяжении многих веков – по-прежнему сторожит у границ. Оно разделилось на два: одно со столицей в Казани, в среднем течении Волги, а другое – со столицей в Астрахани, неподалеку от дельты этой же реки. На побережье Чёрного моря Крымское ханство контролирует пути в Константинополь. Хуже того, ногайские татары, кочевники, присягнувшие на верность крымскому хану, господствуют в просторных южных степях, выступая то партнерами русского государства в торговых делах, то грабителями и наемниками врагов – в зависимости от сиюминутных интриг и заключаемых союзов. Давление со стороны татар создает на Руси постоянное напряжение. Города в южной и центральной частях страны то и дело страдают от набегов, грабежей, похищений и пожаров, после которых остаются лишь пепелища. Однако это полукольцо, образованное враждебными татарами, имеет и более важ-

ные последствия: оно мешает свободному перемещению по Волге, главной транспортной оси, своего рода позвоночнику страны, препятствует развитию торговли с Востоком, Персией и Центральной Азией. Татары присвоили себе также роль посредников в общении с Бухарой, чьи караваны везут шелк, чай, пряности, ткани из Китая и драгоценные камни к Каспийскому морю.

Наконец, татары перекрывают путь на Урал и к неизведанным землям, укрывшимся за ним. Станный парадокс: европейцы уже более века путешествуют по Америке, создавая все более и более точные карты этого континента, а о территории, примыкающей к России с востока, ничего не известно. На первой карте мира, созданной в 1507 году немецким географом Мартином Вальдземюллером, всплыли, словно из небытия, две Америки. Кстати, именно на этой настенной карте впервые дерзко начертано название «Америка». Однако на востоке, в Азии или «Скифии» – сплошное белое пятно с неясными контурами гипотетических гор и элементами орнамента. Всего через 15 лет после высадки Колумба о новом континенте известно куда больше, чем о дальних уголках Евразии.

* * *

Первое упоминание о Зауралье принадлежит перу польского историка и географа, ректора Краковского (Ягеллонского) университета Матвея Меховского. В 1517 году он публикует «Трактат о двух Сарматиях», в котором приводит свидетельства русских путешественников, добравшихся до Польши. Они сообщают, что на северо-востоке Московии находятся земли, где живут скифы. В этих землях не пашут, не сеют, там нет ни хлеба, ни денег. Леса покрывают эти земли, а одичавшие местные жители ходят на зверей. Рассказывают, что большая река (Обь) течет с юга к северному морю. Тогда считали, что она ведет к огромному озеру, откуда можно уже попасть в Китай. В приграничных землях, где живут Строгановы, Зауралье называют Югра, а его сердцевину, находящуюся по другую сторону гор, Сибирью или Сиберию. Это название впервые встречается в 60-е годы XVI века на европейских картах, авторы которых, англичане в Лондоне или же голландцы в Антверпене и Амстердаме, лихорадочно собирают информацию, поступающую от путешественников. Эта область станет Сибирью. Но пока Сибирь заперта на замок, ключ от которого в руках татар.

Великий князь вынужден иметь дело не только с тревожным положением на границах. Есть и еще более тяжкое зло: уязвимость политического режима и его собственная психологическая неустойчивость. Ивану Грозному было три года, когда умер его отец Василий III. Все детство он провел в атмосфере заговоров и интриг, связанных со спорами о наследовании престола, что не могло, конечно, не повлиять на него. Регентство осуществляла дорвавшаяся до власти группа бояр из числа приближенных его матери, Елены Глинской. Бояр, происходивших из древних благородных семей, было не так уж много, не более пяти десятков. Когда престол пустеет или начинает шататься, как это было в 30-е годы XVI века, когда будущий Иван IV был ребенком, начинаются войны за влияние, которые то и дело ставят под угрозу и жизнь великой княгини, и жизнь наследников. Каждый с подозрением смотрит на другого. Ивану еще не исполнилось четырех лет, когда дворец полностью погряз в усобицах. Один из его дядьев, Юрий Дмитровский, обвиненный в заговоре, заточен в кремлевской башне. Поскольку того, кто смеет пролить великокняжескую кровь, ждет проклятие, несчастный просто-напросто брошен в темницу, где ему уготована голодная смерть. И он не единственная жертва. Вскоре другие люди, с детства знакомые Ивану и его брату Юрию, страдавшему немотой, сгинут в казематах. Позже в интереснейшей переписке с одним из своих заклятых врагов, Андреем Курбским, Иван IV то и дело будет возвращаться к годам детства, пронизанных страхом: «Когда же суждено было по божьему предначертанию родительнице нашей, благочестивой царице Елене, переселиться из земного царства в небесное, остались мы с почившим в

бозе братом Георгием круглыми сиротами – никто нам не помогал <...> Было мне в это время восемь лет <...> Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца и воевод перебили! <...> Нас же с единокровным братом моим, в бозе почившим Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети <...> Как исчислить подобные бесчестные страдания, перенесенные мною в юности?»¹⁵

В 18 лет, заняв трон, молодой государь начал с демонстрации своей силы. Этот ход подсказал ему митрополит Макарий, его духовный наставник. Провозгласив себя наследником византийских императоров, он венчается на царство и получает титул царь (который восходит к титулу цезарь), а вместе с ним – новый статус. Церемония проходит с огромной пышностью, достойной абсолютного монарха, поднимающего скипетр христианской империи, упавшей вместе с Константинополем в 1453 году с этого момента новоявленный царь навязывает своим подданным политический режим – причудливую смесь реформ и террора. Иван Грозный видел в подданных паству, а страна представлялась ему огромным монастырем, настоятель которого – он сам. «Ведь мы не насилием добыли царства, – провозглашает он, – тем более поэтому, кто противится такой власти – противится Богу!»¹⁶ По прошествии многих лет, особенно после смерти митрополита Макария, строгость государя превращается в откровенную жестокость. Суровость – его принцип: «Государство без грозы как конь без узды», – оправдывает государя один из сторонников его режима. Насилие – его метод. Произвол обрушивается на Москву и провинцию. Многие бояре, представители древних родов, в том числе и те из них, что верой и правдой служили царю, были схвачены, отданы в руки палача Малюты Скуратова, претерпели страшные пытки. Так Иван становится Грозным – в соответствии с главным принципом его царствования. Возникает множество легенд: например, говорят, что в ночь, когда он родился, в августе 1530 года, ветер был таким сильным, что начал раскачивать кремлевские колокола, зазвонившие как зловещее предзнаменование.¹⁷ Погрузившись в мистицизм, Иван Грозный возомнил себя инструментом божьего промысла, тем, кто должен нести ответ за грехи подданных и, трепеща при мысли о Страшном Суде, возжелал покарать их за время своего краткого пребывания на земле. Он то молится днями напролет, то приказывает убить митрополита Филиппа, преемника Макария, который не побоялся пойти против него и вознамерился запретить ему входить в церковь. Иван Грозный сам возглавляет карательные операции против Новгорода и Пскова – городов, находившихся на западной границе, – сея массовые убийства и разбой. Когда настоятель Псково-Печерского монастыря Корнилий выходит ему навстречу с хлебом и солью, он одним ударом отрубает ему голову, а потом, ужаснувшись совершенному кощунству, несет голову своей жертвы в монастырскую часовню, оставляя за собой кровавый след. Наконец, в приступе безумия он убивает своего горячо любимого сына.

Экономическая политика царя противоречива. С одной стороны, Иван Грозный – реформатор, модернизирующий страну, с другой стороны – коварный и непредсказуемый правитель. Некоторые подданные убеждены, что государством тайно управляют два человека, сидящие в Кремле и скрывающиеся под титулом царя. Стремясь превратить феодальное княжество в централизованное государство, Иван Грозный закладывает основы администрирования, сосредоточивая всю управленческую деятельность в приказах, прообразах министерств, каждый из которых отвечал за свое направление. Во главу приказа ставится боярин или дьяк, и так зарождается система государственного управления. Но внезапно пробуждается безумная логика, требующая иррациональных решений. В 1564 году, через несколько месяцев после предательства представителя одного из крупнейших дворянских родов, князя Андрея Курбского, человека образованного, увлеченного философией, грекофила, военачальника в войнах против Литвы и Польши, перешедшего на сторону врагов, Иван Грозный решил реорганизовать страну и изъять земельные владения. Он представлял себе государство как объединение наиболее бога-

тых городов и земель, которыми он станет управлять единолично, сидя в Кремле, без участия посредников. Так появляются особые районы, личный удел Ивана Грозного, – опричнина, отвечающая божьему замыслу. Остальная же часть государства, управление которой доверяется земским боярам, получило название земщина. Проект странен и быстро оборачивается кошмаром: чтобы контролировать опричнину, царь собирает вокруг себя верных людей. Среди них представители знатных семей, многие стремятся попасть в этот круг, чтобы защитить себя от расправы. Строгановы получают царский указ, призывающий их на службу царю. Иван Грозный, подобно Богу, выбирает себе свиту. Среди нее – немец Генрих фон Штаден, сын бургомистра одного из вестфальских городков, посланный отцом в Ригу и в конце концов, как сообщает он сам, завербованный лично Иваном Грозным: «Из наших при дворе великого князя в опричнине были только четыре немца».¹⁸

У семей, которые подозревались в отсутствии лояльности, даже самых знатных, конфисковывали имущество, становящееся собственностью царской опричнины. Эта реформа имела пространственное измерение: части городов – некоторые улицы, дома, жители, – а также пригороды перешли в опричнину. В самой Москве Иван Грозный, не чувствовавший себя в Кремле в безопасности, велел построить вдоль речки Неглинной новый дворец опричнины. «Великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на 1 сажень от земли [выложить ее] из тесаного камня, а еще на 2 сажени вверх – из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены остроконечно, без крыши и бойниц (*umbgehende Wehr*); [протянулись они] приблизительно на 130 саженей в длину и на столько же в ширину, с тремя воротами», – пишет фон Штаден¹⁹ [с. 107]. Ворота украшали резные разрисованные львы с зеркальными глазами. Южные ворота, ближе всего находившиеся к царским покоям, были такими узкими, что могли впустить только одного всадника. Иван Грозный переселил во дворец свой двор, да и сам перебрался туда: «Там, перед избой и палатой, были выстроены низкие хоромы с клетью вровень с землей. На протяжении хором и клетки стена была сделана на пол-сажени ниже для [доступа] воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал <...> Такова была особая площадь великого князя»²⁰.

Чтобы следить за порядком в опричнине, царь собрал несколько сотен наиболее верных и проверенных стрельцов, так называемых опричников. Однако эта армия преданных людей быстро превратилась в свору кровавых варваров. Предполагалось, что опричники станут личной гвардией царя, но получилось целое ополчение численностью в шесть тысяч человек. Эти всадники, одетые в черное, с собачьей головой в качестве символа, бороздят страну, мародерствуя, убивая и насилая в полной безнаказанности. «Любой из опричных мог,²¹ например, обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто бы некую сумму денег. И хотя бы до того опричник совсем не знал и не видал обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами до тех пор, пока не заплатит»²², – пишет фон Штаден, сам являвшийся опричником. Молодой немец то и дело становится свидетелем вымогательств. Он рассказывает, как северные купцы, встреченные на дороге, умоляли его купить за бесценок или даже в кредит меха, пока их не отняли опричники. Он видит деревни и церкви в огне, полуобнаженных женщин, которых заставляли ловить цыплят в полях, разграбленные монастыри, изувеченных монахов. Он видит, как топят жителей Новгорода. В этом городе, пишет он в своих воспоминаниях, адресованных императору Священной Римской империи Рудольфу II Габсбургу, было столько убитых мирян и духовенства, сколько никогда не бывало до того на Руси.

Молодой царь, свято веривший в свою особую миссию, вознамерился также высвободить свою страну из тисков, сдавивших ее. Он попытается разжать их на обоих флангах – по оче-

реди. На северо-западе Грозный увязает в войнах против балтийских государств – Великого княжества Литовского (потом Речи Посполитой), Швеции, Дании, Ливонской конфедерации, объединившихся против него. Эта война, получившая название Ливонской, продлится 25 лет. Иван Грозный, конечно же, не первый, кто надеялся отодвинуть западных соседей. Великий князь Александр Невский уже воевал с тевтонскими рыцарями за несколько веков до него. И Иван IV не станет также и последним в подобном предприятии: через сто пятьдесят лет Петр I вступит в Северную войну, которая, наконец, позволит России «прорубить окно в Европу» и на Балтику. Война Ивана Грозного носит эпизодический характер, но она истощает страну: победы и поражения сменяют друг друга. Когда русская армия стоит под Псковом, враг атакует Полоцк. Пришлось возвести практически новый город (Ивангород) напротив шведской крепости Нарва. Силы русских ослаблены и переходом некоторых военачальников и стрельцов на литовскую сторону. Но, что еще хуже, царь подозревает всех и каждого, ему повсюду чудятся заговоры, он пытается и отправляет на смерть самых преданных соратников. Иван Грозный собирает до 300 тысяч человек войска и опустошает государственную казну. Эта война ничего не принесет. Взятие в самом начале войны Нарвы и портов на Балтике станет лишь временной победой. В 1581 году шведы вернутся, и Ивану Грозному придется вести переговоры в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Но, прежде чем открыть балтийский фронт, Иван Грозный начал поход на татар. На этот своего рода крестовый поход его благословил митрополит Макарий. Под знаменем христианства он двинулся против зеленого штандарта ислама, направив свою армию на татарскую столицу Казань, высокие минареты которой взмывали над городскими стенами. Первые атаки ни к чему не привели. В глубоко религиозном обществе того времени малейшее знаковое событие, победа или поражение воспринимаются как свидетельство божественной воли. Сомнение, которое поселяется в умах при каждом новом несчастье, – худший враг: разве может Бог оставить «своих» ради «неверных»? Иван Грозный собирает новые силы, еще и еще. Под стенами крепости Казань растет войско. В 1552 году столица татар, на протяжении многих лет повелевавшая русскими землями, пала. Русская армия, развивая успех, продолжила кампанию и через четыре года, в свою очередь, сдалось Астраханское ханство. Татары побеждены. Царь в честь победы возводит у подножия Кремля храм Василия Блаженного. Его золоченые луковницы и сегодня сияют над Красной площадью.

Волга отныне целиком в руках русских – от истоков до устья, где она впадает в Каспийское море. Это поворотное событие в истории России. Волга-матушка. Гигантская река, скоростной водный путь, притоки которого позволяют легко попасть в бассейн Дона и к Черному морю. И еще Днепр на Украине. И Волхов, и Балтийское море. И Северная Двина, и Белое море, и Северный Ледовитый океан. И многообещающий Уральский хребет.

Строгановы, сидя в Сольвычегодске, затерянном у самых северных границ, делают все, чтобы не утратить расположение царя. Их дело настолько велико, что они по сути оказались во главе небольшого почти независимого феодального государства. Их владения простираются на миллионы гектаров лесов, полей и болот. Обстоятельства благоприятствуют им, поскольку Строгановы находятся далеко от двора и его смертоносных интриг. Простое происхождение семьи Строгановых также ограждает их от подозрений в дворцовых интригах. Строгановы очень осторожны: даже находясь вдали от Кремля, они не упускают ни одной возможности угодить царю. И каждый раз, когда он испытывает затруднения, спешат ему на помощь. Порой это щедрые вливания в бюджет, истощенный непрерывными военными действиями, порой – отправка военных отрядов, обученных и снаряженных на их средства. Так, в 1572 году тысяча пеших вооруженных ратников устремилась на помощь царю по первому зову, когда нужно было защищать степь от ногайских всадников.

Финансовые вливания принимаются благосклонно, когда обстоятельства того требуют и когда на кону стоят судьбы страны и царя. В более спокойные времена Строгановы стано-

вятся придворными банкирами и сборщиками налогов. У них мощные торговые и агентурные сети, их влияние растёт. Из обычных подданных короны они превращаются в поверенных короны. Иван Грозный поручает им собирать налоги в их землях. Механизм прост: купцы платят сумму, обещанную в московскую казну, а затем собирают деньги со своих земляков. Строгановы еще и поставщики двора. Все чаще и чаще Иван Грозный обращается к ним, желая получить драгоценные меха и шубы. В 1574 году, когда братья Строгановы находились в Москве, Иван Грозный призывает их к себе, чтобы вручить список своих пожеланий, вполне типичных для того времени: драгоценные соболиные меха, полторы тысячи полотен, шитых золотой нитью, ценой в три тысячи рублей, и пять пудов гусяного пуха лучшего качества на двести рублей.²³

Царь расплачивается не только наличными. Не менее важны и даруемые им привилегии. Сначала царская милость выражается в освобождении от сборов и транзитных пошлин, в частности, за перемещение по рекам. Великое преимущество: в то время, как конкуренты вынуждены останавливаться у каждого заграждения или пункта досмотра для тщательнейшей проверки и подсчетов суммы пошлины для оплаты, после которой следовал обычно торг, Строгановы проплывают беспрепятственно, экономя время и деньги.²⁴ Привилегии, пожалованные властью частным лицам в обмен на особые услуги, содействие и участие в делах, – вот суть отношений между Кремлем и олигархами. Строгановы и есть олигархи XVI века.

Когда татарское ханство потерпело поражение, Строгановы почувствовали, что удача улыбнулась им так широко, как никогда ранее. Свободное плавание по Волге обещало фантастические перспективы. Раньше русское государство, находившееся на востоке, западе и юге в тисках мощных противников, могло продвигаться лишь на север по рекам и их притокам. Но теперь открывался путь на восток, в бассейн Камы, одного из самых крупных притоков Волги, катившей воды от самого Урала. И Строгановы, истинные потомки поморов-первопроходцев, готовы принять этот вызов.

В Сольвычегодске все издавна знают, что берега Камы скрывают немалые залежи соли. Еще 100 лет назад другие местные купцы, Калинниковы, убедились в этом.²⁵ Однако народы, жившие на Каме, находились под властью татар. Теперь же Строгановым представился уникальный шанс. В 1558 году Григорий, сын Аники Строганова, бьет челом Ивану Грозному. За Чердыню, – сообщает он, – по обе стороны реки Камы до самой реки Чусовой, то есть «по сю сторону Урала есть места пустые, дикие, никем не обитаемые и никому не принадлежащие, для всех бесполезные». Григорий смиренно просит разрешения искать «рассол, варить соль, призывать работников и рубить лес». В обмен он обязуется «поставить дворы, построить на свой счет городок, иметь при нем пушки и беречь нашу границу от ногайских и иных орд». ²⁶ Выражение «бить челом» говорит само за себя. До сих пор историки не согласны в оценке степени смелости или наглости, содержащейся в челобитной Строганова 1558 года. Некоторые полагают,²⁷ что эта просьба объясняется доверием, царившим между вассалами и сюзереном, более поздние²⁸ поражаются дерзости жителей Сольвычегодска. В любом случае, смелость города берет. 4 апреля 7066 года (1558) «благочестивый государь царь и великий князь всея России Иван Васильевич пожаловал Григорию Аникиеву сыну Строганову по обоим берегам Камы незаселенные места в 80 верстах ниже Великой Перми <...> А в тех незаселенных местах, там, где Григорий Строганов выберет место, надежное и хорошо защищенное, он должен построить острог и укрепления возвести, а пушкарей, и затинщиков, и пищальников, и караульных при крепостных воротах приказали для защиты от сибирских и ногайских отрядов тому Григорию найти самому».²⁹

Царь щедр, но его доверие отнюдь не слепо. Разрешение выдано сначала на двадцать лет и касается только добычи соли. Если же владельцы новых территорий случайно наткнутся на серебряные, медные или оловянные руды, то Григорию надлежит немедленно известить царя

письменно и ничего не предпринимать без царского указа. К списку привилегий следует добавить также разрешение не размещать на постой и не кормить бесплатно официальных посланцев Москвы. Упоминание об этом обстоятельстве само по себе свидетельствует о неприятностях, связанных с подобными визитами царских эмиссаров.

Владения братьев Строгановых увеличились на несколько миллионов гектаров. Однако жизнь на берегах Вычегды отнюдь не была спокойной. Строгановых ждали опасности, с которыми они до того не сталкивались. Хотя Иван Грозный и шлет многочисленные указы, грамоты и обещания, он не особенно внимательно следит за тем, что происходит так далеко от Москвы. В Чердынь, небольшой городок, ставший административным центром, назначен воевода. Обычно воеводы – это ратные люди, часто выполняющие и управленческие функции. Как правило, они происходят из семей бояр. Их отбирают за воинские заслуги и посылают в завоеванные земли. На местах они быстро прибирают к рукам гражданские, юридические и финансовые вопросы правления. Например, именно они собирают налоги. Однако здесь, у новой границы, их возможности ограничены. Иван Грозный далеко, воюет со шведами и поляками, и у него нет людей, чтобы послать их на охрану границы. В 1552 году, когда взбунтовались местные народы, и Соликамск взмолился о помощи, все, что он прислал, – это икона святого Николая Чудотворца и совет освятить ею крепостные стены, чтобы воодушевить войско и обратить в бегство неверных.

Строгановы могут рассчитывать только на себя. На семейном совете принято решение разделить обязанности. Осторожный Аника склоняется к тому, чтобы оставить большую часть производства в Сольвычегодске. Там находятся металлургические мастерские, изготавливают оборудование для бурения. Симеон остался присматривать за делами в Сольвычегодске, а Аника, его сыновья Яков и Григорий и внуки Максим и Никита уезжают в новые владения. Через несколько месяцев после получения царского указа Строгановы возводят свой первый «городишко» – изначально просто деревянный форт, обнесенный высоким частоколом из заостренных стволов деревьев (Канкор, сейчас Пыскор). По углам четыре башни высотой метров десять, в каждой – легкая пушка. Вместе с землями новые хозяева получили право производить селитру, необходимую для изготовления пороха. Разрешение исключительное, но содержащее ограничение: не более двадцати пудов, то есть трехсот двадцати килограммов. Москва опасается подданных, имеющих собственный арсенал. Внутри ограды строят жилые помещения, склады и мастерские, необходимые для разведочных работ. Дело спорится. Продвигаясь вверх по течению Камы, Строгановы открывают одну солеварню за другой. Благодаря улучшению технологии они ежедневно получают в два или три раза больше соли, чем в Сольвычегодске. Цена на московском рынке в двенадцать раз больше, чем на местном. Выгода очевидна. Нужны рабочие руки, и Строгановы набирают людей в своих же вотчинах. Опричнина Ивана Грозного, вселявшая ужас в людей, сыграла им на руку. Тысячи напуганных людей бегут в дальние уголки страны, надеясь спастись от «черных эскадронов смерти». Произвол, царивший в стране, держал в страхе не только семьи, вовлеченные в борьбу за власть. Мелкие купцы, духовенство, простой люд – жизнь всех зависела от настроения приспешников царя. Многие стремились искать лучшей доли подальше от городов, на только что завоеванном востоке, куда еще не добрались опричники. Беженцы поднимаются вверх по рекам и добираются до деревень и скромных крепостей Строгановых. Беглые крестьяне также ищут убежища на новых землях. Закон запрещает предоставлять им кров и работу, однако купцы предпочитают смотреть на нарушения сквозь пальцы, по крайней мере, до поры до времени. Вскоре поднимается и второй город (Орёл-городок, или Кергедан). Отныне укрепленные солеварни образуют последнюю линию русских поселений до Урала и земель местных народов.

Вопреки описанию Строгановых и словам царского указа, территория, на которой возведены новые деревянные городки, вовсе не была необитаемой. Народы Пелымского княжества, вогулы, пермяки или зыряне населяли предгорья Урала. Они подчинялись Сибирскому

татарскому ханству, наряду с Казанским и Астраханским образованному при распаде когда-то мощной Золотой Орды. Сибирское ханство, к западной границе которого внезапно подошли владения Строгановых, лежало главным образом к востоку от Уральского хребта и занимало бассейн средней Оби и ее крупного притока Иртыша. Верхнее течение Оби, находящееся в обширных степях Южной Сибири, позволяло поддерживать связь с кочевниками ногайцами, искуснейшими всадниками. Иртыш – это пуповина, ведущая в Среднюю Азию, к киргизам, в колыбель бывшей Орды. Бухарские купцы еще водят свои караваны в те края, обещающие жирные сделки. Столица Сибирского ханства – город Искер, насчитывающий несколько тысяч жителей. Он выстроен на возвышенности в несколько десятков метров над правым берегом Иртыша, недалеко от его слияния с Обью. Европейцы впервые могли увидеть ее на карте 1562 года, составленной Энтони Дженкинсоном, английским посланником при русском дворе. Уже этот факт сам по себе говорит о внезапно возникшем интересе к столице Сибирского ханства, как в Москве, так и в Лондоне и Нидерландах. Все понимают, что татарское ханство преграждает путь в Азию и Китай. И эту преграду можно взломать.

* * *

Падение Казани нарушает равновесие сил. Татарский мурза Едигер, сидевший в Искере, теряет не просто союзника. Казань была в каком-то смысле его защитой в сложившемся феодальном властном домино. Без нее мурза внезапно оказался слабым правителем. Некоторые народы, его вассалы, принялись искать покровительства у победителя – великого русского царя. И, конечно же, соперничающий клан, восходивший напрямую к Чингисхану, начинает оспаривать законность его власти и требует потесниться. Род, претендующий на власть, возглавляет Кучум, который может рассчитывать на поддержку, в том числе и военную, Центральной Азии. Чтобы спасти свой трон, хан Едигер действует стремительно. Пока Строгановы готовятся расположиться у его ворот, построить частокол и протянуть трубы для соленых вод, он решает засвидетельствовать свою преданность Ивану Грозному. Его посланники помчались в Кремль, чтобы объявить о том, что хан готов добровольно подчиниться царю. Они привозят вполне материальные доказательства, символизирующие статус вассала: годовой натуральный оброк, ясак, который татары испокон века собирают со своих подданных. Хан готов доставлять часть Ивану Грозному. Ясак выплачивается пушниной, по одной соболиной и беличьей шкурке от каждого «налогоплательщика» – таково предложение хана, переданное посланниками. «Налогоплательщики» – это подданные или главы традиционных семей, и хан полагает, что таковых насчитывается тридцать тысяч семьсот. В обмен же, согласно феодальным правилам, Едигер просит у царя покровительства, в частности, в военном конфликте с Кучумом, его соперником.

Последовали переговоры, касавшиеся, в первую очередь, размера ясака, поскольку первое подношение далеко от обещанного: всего семьсот шкурок. Однако Иван Грозный принимает предложение. Заключаемый договор – не приоритетный, и царь вовсе не собирается растрачивать свои скудные ресурсы ради него. У царя и так хлопот полон рот с литовцами и поляками, однако он не прочь внести еще один титул в уже существующий внушительный список, отражающий количество покоренных земель. Иван Грозный – великий князь Владимирский, Московский и Новгородский, царь всея Руси, но теперь иностранные гости, допущенные до аудиенции, обязаны, согласно протоколу, не забывать, что он еще и властитель «Удорский, Кондинский и всея Сибири».³¹ Этот же титул перекочевал в царскую переписку. Пусть новое приобретение не особенно впечатляет, все же владыка Кремля мог полагать, что хотя бы эта часть Сибири ему принадлежит.

Реальность, однако, выглядит немного иначе. Хлопоты, предпринятые Едигером в последнюю минуту, ни к чему не привели. Кучум сверг Едигера, завладел титулом хана и сел

в Искере. Новоявленный хан, верный традициям своего предка Чингисхана, не спешит подставить шею под ярмо русского христианского царя. Наоборот, он рассчитывает восстановить могущество татар и выгнать русских с земель, которые считает своими. Ревностный мусульманин, он готов использовать стремительно распространяющийся ислам как основу объединения народов Урала и Оби. Он хочет навязать ислам всем, чтобы получить государство с однородным населением. Задача оказалась не такой простой. Киргизские всадники, служившие ему в качестве ударной силы, рассеялись по Сибири. Жители лесов и прибрежных земель, исповадовавшие анимизм, отказываются признавать нового хана. Некоторые даже берутся за оружие. Чтобы усмирить их, Кучум вынужден стянуть все свои силы. Пришлось также умерить аппетиты относительно русских. Владыка или подданный? Еще вассал или уже бунтарь? Играя на этой двойственности, Кучум отправляет Ивану Грозному депешу, в которой представляется как Кучум «свободный» и «царь». Он предлагает «белому» царю Ивану, «старшему брату», вступить в переговоры. Хитрая позиция, которая предполагает иерархию, но навязывает принцип равенства. Хан вроде бы хочет мира с Московской Русью и обещает продолжать выплачивать оброк в качестве залога спокойствия. «Однако не обошлось без угрозы. «Если ты хочешь мира, – продолжает он, – то будет мир. Если же ты хочешь войны, будет война».³²

Кучум пытается выиграть время, чтобы упрочить свое влияние. Кроме того, он надеется, что русское государство будет только слабеть. У него есть для этого основания: новости с театра военных действий, находящегося далеко от Урала, не очень обнадеживающие для русского царя. Говорят, что в Ливонии, вопреки ожиданиям, он терпит поражение за поражением. Похоже на настоящую катастрофу. А на юге ногайцы и татары, неосмотрительно оставленные Иваном Грозным без внимания, не дремлют. Они продвигаются по русским равнинам, практически не встречая сопротивления. Некоторые даже поговаривают, что царь в отчаянии. Ходят слухи, что он покинул Кремль и пытался бежать.

В мае 1571 года армия крымского хана Девлет Гирея, временного союзника степных ногайцев, начинает масштабное наступление и прорывает слабую линию обороны русских. Для Ивана Грозного, все силы которого брошены на войну на Балтике, это полная неожиданность и настоящее бедствие. Его воеводы с большим трудом собирают несколько тысяч наспех вооруженных человек. Но ногайская кавалерия просто-напросто огибает чахлые ряды русского войска. Хану Девлет Гирею и его армии понадобилось всего несколько дней, чтобы добраться до Москвы. На подступах к столице – грабежи и пожарища. Ворота города захлопываются, русские ратники спасаются бегством. Однако не успевает хан продумать первую атаку, как вдруг поднимается сильный ветер, и вот уже огонь бушует в самом городе. Не прошло и десяти минут, как вся Москва оказалась во власти пламени. Колокола надрываются, возвещая о беде, но никто и ничто уже не может спасти большой деревянный город. Целые кварталы вспыхивают один за другим, дерево трещит, повсюду дым, и колокола в конце концов замолкают, плаваясь в гигантской топке. Вспышки говорят о том, что пороховые склады Кремля, находившиеся под башнями крепостной стены, взорвались. Дворец Ивана Грозного, только-только отстроенный вне стен Кремля, уничтожен. Внутри крепостной стены в северной части города, куда бежали люди, спасаясь от огня, разыгрываются страшные сцены. Рассказы немногих свидетелей дошли до нас в изложении английского купца и дипломата Джильса Флетчера. Он пишет, что враг зажег предместья, «которые (состоя из деревянного строения, без камня, кирпича или глины, за исключением немногих наружных покоев) сгорели с такой быстротой и огонь так далеко распространился, что в четыре часа не стало большей части города, имеющего до 30 миль или более в окружности. Зрелище было ужасное: при сильном и страшном огне, объявшем весь город, люди горели и в домах, и на улицах; но еще более погибло из тех, которые хотели пройти в самые дальние от неприятеля ворота, где, собравшись отовсюду в огромную толпу и перебивая друг у друга дорогу, так стеснились в воротах и прилежащих к ним улицах, что в три ряда шли по головам один другого, и верхние давили тех, которые были под ними. Таким образом,

в одно и то же время от огня и давки погибло (как рассказывают) 800 000 человек или более».³³ Те, кто пытался укрыться в немногих каменных домах, погибли под обрушившимися стенами. От города остались лишь пепел да еще печи – трагические остатки русских изб. Стихия не пощадила и Кремль, который сильно пострадал от огня, хотя были предприняты все меры, чтобы уберечь его от пожаров. Немец фон Штаден был в ужасе от зрелища, словно взятого из книги Данте: «Была такая великая напасть, что никто не мог ее избежать! В живых не осталось и 300 боеспособных людей <...> После пожара ничего не осталось в городе – ни кошки, ни собаки».³⁴ Царь смог спастись только потому, что вовремя покинул город. Москва полностью сгорела меньше чем за шесть часов.

Некоторые из татар, рвавшихся в Москву и присутствовавших при пожаре столицы, попытались разжиться трофеями, вырвав их из огня, но погибли, сгорев заживо. Хану Девлет Гирею ничего не оставалось, как пуститься в обратный путь, в степи, предоставив противника его судьбе.

Для Московского государства наступают черные дни. Перед пожаром 1571 года два года (1568 и 1569) был страшный неурожай, с 1570 года по стране бродит голод.³⁵ В том же году черные отряды опричников наказывают Новгород, который заподозрили в переговорах с врагом. Город разграбили и потопили в крови. По дорогам двинулись беженцы из бывшей купеческой столицы. Повсюду царил террор. Вдобавок разразилась эпидемия чумы, что привело к новым строгостям: «К тому же всемогущий бог наслал еще великий мор. Дом или двор, куда заглядывала чума, тотчас же заколачивался и всякого, кто в нем умирал, в нем же и хоронили; многие умирали от голода в своих собственных домах или дворах».³⁶ Перед такой чередой бедствий как не поверить в бич божий?

* * *

Строгановы из отдаленного угла империи с тревогой следят за развитием событий, о которых им докладывают посыльные из торговых мест и столицы. Национальное бедствие, конечно же, не может не отразиться на их делах: торговля замерла, половина солеварен, работавших на полную мощность, остановилась, царь увеличивает налоги, поскольку военные нужды поглощают все. После страшного пожара в самом сердце страны братья решают доказать Ивану Грозному свою преданность. Чтобы спасти государство от нового нападения татар, они полностью снаряжают тысячу ратников и отправляют их в Москву. Новая атака на город действительно случилась, но в 1572 году враги наконец были отброшены.

Все это стоило огромных денег. Кризис грозит Строгановым банкротством. Несмотря на спаянность семьи, после смерти Аники обнаружились конфликты, которые можно было разрешить, только обратившись к самому Ивану Грозному. Но тут проснулась граница! Известия о катастрофе в Московской Руси, перевалив за Урал, достигли поселений аборигенов. Налоговое бремя, которым их задавили поиздержавшиеся Строгановы, лихоимства, привели к бунту народов предгорий Урала. В одной из летописей сообщается: «В 1572 году, 15 июля, по Божьей воле пришли на реку Каму черемисы, а с собой сманили остяков, башкир и буинцев. И вот собралось их множество, и пришли под названные выше крепости Канкор и Кергедан [основанные Строгановыми и им принадлежащие], и убили в тех городках 87 русских купцов».³⁷

Кучум в своей сибирской столице Искер также решил, что пробил его час. Кучумовский посланник, отправленный к Ивану Грозному с ясаком, о котором было договорено, прибыл в Москву вскоре после пожара. Вернувшись в Сибирь, он рассказал хану о том, что увидел, и нарисованная им картина полностью изменила планы сибирского властителя. Доставленный в Москву ясак был последним, выплаченным русскому царю. Русские истощены, у них нет достаточно сил, чтобы защищаться, следовательно для татар наступил момент реванша – нового

завоевания. В июле 1573 года, в самый разгар бунта приуральских народов, Кучум дает своему племяннику Маметкулу войско в несколько сотен воинов и отправляет его в земли Строгановых. Строгановы, укрывшись за стенами крепостей, лишь бессильно следили за тем, как громят их деревни и солеварни. Крепостные и работники Строгановых, охваченные паникой, спасались кто как мог. Без вооруженных людей противостоять набегу татар было невозможно. Оставалось лишь защищать крепости. Но, после того как татарские всадники повернули назад, Строгановы обрушились на местных жителей, поддержавших татар и участвовавших в грабежах и бунте. Именно после этого кровавого эпизода царь дает своим «олигархам» удивительный совет: действовать крайне осторожно и, если среди черемисов или остяков найдутся такие, кто согласится убедить своих сородичей не бунтовать, а стать честными подданными царя, то не казнить их, а пощадить. Более того: им обещана царская милость.³⁸ Подобное распоряжение было необычным: ведь Ивану Грозному не было присуще сострадание. Однако это распоряжение свидетельствовало, что в Москве происходят перемены: Иван Грозный всерьез заинтересовался своими восточными владениями.

Братья Строгановы и их дети, уже вовсю участвующие в делах, понимают, что бездействие может погубить их. Земли Максима Строганова оказались наиболее уязвимы, над ним первым нависла опасность. «Землю нельзя было обрабатывать, на ней нельзя было выпасать скот, крестьяне больше не ходили в лес за дровами, боясь быть убитыми или попасть в плен. Лошадей и коров постоянно угоняли».³⁹ Никто не решался покидать деревню, и жизнь почти полностью замерла. Опасались, что с наступлением тепла набеги татар участятся и станут еще более жестокими.

Весной 1574 года, когда дороги стали непроходимыми из-за таяния снегов, а реки еще стояли подо льдом, царь призвал к себе Григория и Якова Строгановых. «Он приказал братьям не медлить по получении распоряжения и сразу же отправляться в путь. К грамоте был приложен специальный пропуск».⁴⁰ Москва и Кремль еще в шрамах от пожаров. Иван Грозный принимает их в своем дворце в Александровской слободе в 100 километрах к северо-востоку от столицы. Царь, удалившийся сюда из Москвы, дает им несколько аудиенций, что очень необычно. Известно, что беседы затягивались надолго, что Иван Грозный выпрашивал у братьев Строгановых детали последних событий и мнение относительно возможного их развития. Они говорили о Сибири, чего раньше не бывало, и, скорее всего, именно на этих встречах наметили стратегию, которая впоследствии приведет к освоению и завоеванию неведомых просторов, лежавших за Уралом. Строгановы делятся своими бедами и опасениями, касающимися будущего. Но, самое главное, они щедро делятся с Иваном Грозным уникальными, только им известными сведениями об основных действующих лицах, о существующих союзах, о соперничестве в ханстве Кучума. Строгановы рассказывают о недавних страшных событиях: о грабежах, об убийстве людьми Кучума посланника самого царя, об оброках, которые не окажутся в казне. Иван Грозный считает эти земли своими, но лишен возможности защищать живущих там подданных и уж подавно не в состоянии усмирить бунтарей и наказывать «изменника» Кучума. Почему бы не позволить своим верным сторонникам, надежным посредникам и к тому же еще кредиторам и поставщикам подтолкнуть ход истории? Через два месяца, отправляясь в обратный путь, Строгановы увозят новую удивительную грамоту Ивана Грозного. Они добились своего: царь подтверждал их права на владение землями по берегам Камы и Чусовой. Большая часть земель, лишь временно находившихся в управлении Строгановых, стала их полноценной собственностью. Они получили право их застраивать и укреплять поселения, если того требовала забота о безопасности солеварен. Им разрешено не платить налогов на охоту и рыбную ловлю. И, главное, чего добились Строгановы, – им даровано право собирать собственную армию, вооружать ее и защищать свои владения и все русские земли

на уральской границе. Иначе говоря, Строгановы получили в собственность практически все приграничные земли в обмен на обещание защищать их.

Но, что еще поразительнее, Иван Грозный даровал Строгановым неслыханные привилегии, которых еще никто не удостоивался. Самая важная из них – передача Строгановым на двадцать лет гигантских территорий по другую сторону Уральского хребта, в бассейне реки Тобол, текущей на север. Можно сказать, что указ от 30 мая 1574 года – поворотное событие. Ведь эти земли – часть ханства Кучума. Разгневавшись на вассала-бунтаря, который не привозил больше в Москву ясак, Иван Грозный объявляет их своими и отдает в управление Строгановым. Они получают право «крепости делати и сторожей наймовати и вогняной наряд держати собою и железо делати, и пашни пахати и угодыя владети».⁴¹ Чтобы сохранить видимость беспристрастности, царь выдает такое же дозволение и на земли Мангазеи, форпоста звероловов и охотников, первопроходцев тундры. После присоединения новых земель в 1574 году Строгановы стали собственниками одиннадцати с половиной миллионов гектаров – территорий больше современных Португалии или Болгарии. Они превратились в самых крупных в мире земельных собственников своего времени, не помышляя об этом¹. Всего лишь хотели получить дозволение вооружать людей, чтобы защищаться от врагов, но получили «добро» на движение за Урал. Теперь судьба Сибири – в их руках.

¹ Российские историки по-разному интерпретируют просьбу Строгановых и щедрость Ивана Грозного. Споры, не утихающие и сейчас, отражают неоднозначные представления об исторической ответственности за инициативы, которые привели к завоеванию Сибири. Были ли они специальным планом Строгановых или же их вынудил действовать Иван Грозный? В различные эпохи историки склонялись к различным версиям – в зависимости от той или иной идеологии. В советское время предпочтение отдавалось второй версии, поскольку важнее было признать ведущую историческую роль государства, а не олигархов. Исследования последнего времени (в частности, Руслана Скрынникова) показывают, что не стоит преуменьшать роль Строгановых в истории конца XVI века в целом и в истории освоения Сибири в частности. – *Прим. ред.*

В погоне за «мягкой рухлядью»

Заветная территория, лежащая по другую сторону «каменного пояса», все сильнее манит Строгановых и их царя, однако ими движет не примитивное желание расширить границы владений или захватить новые земли. В ту эпоху слово «Сибирь» неизбежно вызывало в воображении ценность, которую русские называли «мягкой рухлядью», – пушнину.

Патриарх семейства Аника Строганов быстро понял, что соляной промысел, позволивший ему сколотить состояние, не исключает торговли и другими товарами. И самый выгодный из них, конечно же, пушнина. В Сольвычегодске, где он живет, как и вообще в северных деревнях, охота и пушной промысел – основные занятия. Охотятся на зайца, лису, медведя, но особенно на мелких таежных грызунов: куницу, белку и соболя – самого ценного зверька. У него чудесный мех – мягкий, густой и шелковистый.

Местные охотники, промышляющие на Урале, регулярно выходят из лесов, чтобы обменять свои трофеи на ножи, инструменты, бытовую утварь и ткани. Кто-то даже добирается до главной торговой площади Сольвычегодска у самого Благовещенского собора. Многие из них – поставщики Аники, они приносят ценные шкурки издалека, из-за Урала, с берегов великой Оби. Кто-то бывает еще дальше, у Северного Ледовитого океана, в тундре. Они привозят на саях настоящие чудеса – меха песцов, шкуры тюленей и моржей, бивни мамонтов. Алексей Соскин, летописец Сольвычегодска, один из первых исследователей архивов Строгановых в XVIII веке, составил список товаров, которые предлагали Аника и другие купцы. Они торговали «мягкою рухлядью, камчатскими бобрами, лисицами, соболями, котиками морскими и протчих тех восточных промыслов, также сибирскою и зырянскою белкою, медведями, россомахами, исподами и мехами калмыцкими и перлусчатыми, мамонтовой костью».⁴²

Вскоре Анике стало мало просто приобретать товар у коренного населения или русских охотников. Как сообщает Соскин, к нему «ежегодно приезжали люди з дорогою мягкою рухлядью и з другими чужестранными товарами. А люди не все русские, ни же из других ему знаемых соседственных народов; паче примечена между ими в языке, в платье, в вере и в обхождении великая разность другими чужестранными именами. От того в Анике загорелась великая охота к совершенному проведению таковой земли, которая такая сокровища производит».⁴³ Глава семьи Строгановых тратит часть доходов от выварки соли на снаряжение охотников, отправляющихся за перевал. Уральские горы невысоки. В трех-четырёх местах, где можно перейти из Европы в Азию, они не поднимаются выше 800 м. Но первопроходцы двигаются по воде, и это означает, что для преодоления «горы» нужно тянуть лодки по все более и более стремительным потокам, потом прорубать дорогу в лесах и тащить груз на спине. Аборигены окрестили «белыми» реки, спускавшиеся в сторону европейской равнины, и «черными»⁴⁴ – притоки огромной Оби с ее многочисленными рукавами. Эти «черные реки» и должны были стать дорогами в Сибирь.

Люди Строганова плывут вверх по Вычегде, по ее притоку Выми до волока на Ухту и Печору и поднимаются по ней. Оттуда еще один волок через хребет – и они оказываются по другую сторону Урала. Есть и маршрут севернее, однако он связан с передвижением в более тяжелых условиях. Некоторые промышленники выбирают морской путь, двигаясь вдоль побережья: тут риск возрастает еще больше из-за штормов. Он зависит также от направления ветров и от льдов, покрывающих море большую часть года. Южнее маршрут попроще, но его контролируют татары и местные народы. Расстояния огромны. Нужно не меньше двух или четырех месяцев, чтобы достичь мест, наиболее богатых зверем, например, района Мангазеи. И столько же, если не больше, чтобы вернуться. Все зависело, конечно, от судоходности рек, ведь они подо льдом с октября по апрель, а в разгар лета уровень воды в них часто слиш-

ком низок. Люди, оружие, снаряжение, лодки, переводчики: экспедиции стоят очень дорого, и Аника Строганов, скорее всего, первый купец, решившийся вложить огромные суммы в настолько рискованные походы. Он снаряжает людей также и в другие районы. Промышленники, которые отправляются на Урал и спускаются к Оби, не очень-то разборчивы в средствах обогащения. Они не только охотятся. Они не гнушаются пускать в ход огнестрельное оружие, которого нет у местных жителей, чтобы отнимать у них пушнину. Порой эти ватаги не столько промышляют, сколько разбойничают. Аника Строганов, твердо решивший наладить пушную торговлю, пытается установить прочные отношения с сибирскими народами. Ему хочется, чтобы из конкурентов и противников они превратились в поставщиков. Люди Строганова везут разные вещицы, способные заинтересовать новых северных клиентов – заморские товары от иностранных купцов, появляющиеся на русских ярмарках. Строганов наказывает своим людям прибегать не к силе или вымогательству, а к убеждению. Нужно, чтобы выгода обмена стала очевидна. И действительно, в повседневной жизни местные обитатели очень мало используют мех мелких млекопитающих, предмет вожделений русских, предпочитая использовать для одежды и утепления жилищ собачьи и волчьи шкуры. Медведя сибирские народы считают равным себе, поэтому на него можно охотиться только при определенных условиях и строго следуя специальным правилам. Жизнь же кочевых народов тундры тесно связана с оленем. И пища, и транспорт, и жилье, и одежда; словом, олень – это не просто компаньон человека, это полноправный участник жизни. Зачем терять время, гоняясь по мерзлой тайге за куницей или соболем? Аборигены не видят ценности в шкурах, которых так жаждут получить русские. Кто же эти люди, которые готовы за восемь соболей отдать нож, – удивлялись сибирские кочевники через полтора столетия в разговоре с одним русским путешественником, – а за восемнадцать готовы выложить железный топор?⁴⁵ Сибиряки охотятся на этих мелких зверьков только ради ясака, который выплачивают татарским сюзеренам в виде драгоценных для русских мягких шкурок.

Методы Строганова приносят свои плоды. «Сии дошли до реки Оби, – повествует летописец Алексей Соскин о членах экспедиции, – и с тамошними народами весьма дружелюбно обходились и вместо дешевых своих мелочных товаров привезли с собою оттуда такое великое множество самой лутчей рухляди, что Анику оное побудило еще несколько лет продолжить сие прибыльное купечество»⁴⁶. Купец настолько воодушевлен, как замечает летописец, что решает построить «каменный храм» – символ успеха и знак благодарности. Взаимная выгода обмена быстро принесла прибыль дому Строгановых. Вскоре его отделения стали предлагать широкий выбор «мягкой рухляди». В отличие от своих предшественников, Аника не стал прятать от властей и царя размер доходов от своей новой деятельности, равно как и громадный ее потенциал. Он мог бы в одиночку пользоваться этим источником богатства, – читаем мы в летописи Соскина. Но нет! Патриарх Сольвычегодска поспешил собственноручно доставить в Кремль самые красивые образцы. Он предпочел «пользу отечества», – замечает Соскин. И не прогадал, получив в обмен, как мы увидим, особые милости Ивана Грозного.

* * *

Строгановы первыми стали инвестировать столько ресурсов в пушнину. Но интерес к Сибири как к ее источнику возник задолго до Строгановых. Десятью веками ранее (в VI веке н. э.) готский историк Иордан уже упоминает о сверкающих черных соболях из страны Югра.⁴⁷ С другой стороны Сибири за этим товаром, пользующимся успехом у состоятельных людей, охотятся китайцы. Меха приносили огромную прибыль и Великому Новгороду – одному из богатейших средневековых городов, члену ганзейского союза и центру сбыта пушнины. Со всей Европы приезжали сюда за искристым песком, которого отдавали в обмен на немецкие,

французские, голландские или английские товары. В IX веке Новгород, оценив этот источник дохода, помыслил в поисках «мягкого» золота изучить повнимательнее свои дальние северные границы. Мореплаватели-новгородцы, по всей видимости, добрались до Карского моря. Эти далекие походы 1032 года упоминаются в древних рукописях. С 1139 года новгородцы плавали по Оби. Они строили небольшие временные станы на берегах и привозили много шкурок.⁴⁸ С XI по XV век Новгород считал «землю Югра» своим охотничьим угодьем, и во многих документах XII века заявляет о своих претензиях на эту территорию.⁴⁹ Начавшаяся на излете Средневековья экспансия русских – сначала новгородцев, а затем московитов – лишь шла по уже проложенным путям пушного промысла. Великий князь московский Иван III, отец Ивана Грозного, считал себя достаточно сильным, чтобы оспорить господство Новгорода. Он нанес удар, прекратив связи Ганзы с северными землями и окраинами Сибири – промысловыми угодьями. Иван III хотел уничтожить торговую монополию Новгородской республики, с которой соперничала Москва, и начал с того, что лишил ее колоний. Контроль над реками и особенно волоками, без которых реки недоступны, захват Великого Устюга, основание Сольвычегодска ослабили Новгород и ускорили его падение. В ту эпоху на мехах росла экономическая мощь, и даже поднимались целые государства. Пушнина – первый товар, который стала вывозить Русь, и, следовательно, один из основных источников дохода. Как только Москва и ее великие князья одерживают верх, они отправляют по уральским дорогам свои военные отряды. Воеводы Московской Руси, двигаясь по следам Новгорода, в свою очередь переваливают за Урал. В 1465 году, а затем в 1483-м и 1499-м они побывали в Югре, где пытались подчинить местные народы Москве. Но это скорее краткие рейды, чем завоевание. Должно пройти время, прежде чем Московская Русь сможет надолго обосноваться на востоке «каменного пояса».

Пушнина – альфа и омега определенного этапа русской истории. Этот товар настолько важен, что определил пути и скорость завоевания севера и Сибири, а также природу формирующегося русского государства. Именно зверь, в частности соболь, своей шелковистой шкуркой задает маршрут экспансии. Поскольку промысловые животные обитают на севере и на востоке, русское государство продвигается на север и на восток. Торговые пути вдоль рек лишь следуют за охотничьими тропами. Великий поход к Тихому океану начался не из-за стремления к расширению и не по желанию государства или его монарха. Он шел ради пушнины и благодаря ей, поскольку именно доходы от нее становились основой для финансирования походов. Путь ведет на восток. Скорость зависит от истребления основных промысловых видов: как только охота становится трудозатратной, то есть становится невозможно заполучить добычу в качестве ясака от местных обитателей, авангард охотников устремляется на новые земли, поднимаясь по рекам, по притокам, разыскивая переправы и волоки между бассейнами сибирских рек. Это *промышленники*, занимающиеся *промыслом* пушнины. Она подстегивает искателей, чьи имена до нас не дошли. Ради нее эти смельчаки идут на жертвы. Государство всего лишь следует в кильватере. Но их движение становится все более выгодным для него. Политика колонизации земель аборигенов не задумывалась сама по себе, она – результат стремления получить как можно больше мехов. Пушнина – самый драгоценный товар на внутреннем рынке, от нее зависит немалая часть бюджета. На протяжении двух веков прибыль от продажи нежных шкурок соболя, чернобурой лисицы с длинным пушистым подшерстком, куницы, белого горностая с черными пятнами на хвосте, белки или калана достигали 10–15 и даже 30 % государственных доходов.⁵⁰ В архивах Кремля сохранились документы 1586 года, которые свидетельствуют, что всего через двенадцать лет после получения Строгановыми столь фантастических привилегий, казна пополнилась 200 тысячами шкурок соболя, 10 тысячами чернобурки, 500 тысячами беличьих, не говоря уже о бобрах и горностае.⁵¹ Пушнина также главный экспортный товар. Ее обменивают на золото, серебро и оружие, которые Московской Руси обходятся очень дорого. Подобно энергетическим ресурсам в России XX века, «мягкая рухлядь» –

основная валюта. Она привлекла внимание государства и, в конечном итоге, повлияла на его организацию. К государству же быстро перешел контроль за таким прибыльным рынком.

Экономика русского государства XVI и XVII веков остается товарообменной. Страна еще не располагает достаточным количеством золотых и серебряных монет, чтобы перейти на денежную систему. Не может она, как Испания, черпать драгоценные металлы в коях новых американских колоний. Поэтому-то русское государство поддерживает систему, в которой пушнина часто выполняет роль валюты. Это удобно: меха легки, занимают мало места, долго не изнашиваются. Их стоимость если и меняется, то в сторону подорожания. Иностранцы получают не форинты и экю, а шкурки, да и на внутреннем рынке, на ярмарках в крупных городах, оплата ими не редкость. Двор использует пушнину, когда необходимы значительные траты. Так, например, ими могут выплачивать субсидии церкви. А затем православные иерархи решали⁵², как ее обменять на церковную утварь или услуги. Царь дарит «мягкую рухлядь» важным иностранным гостям и монархам, которых он хотел бы видеть своими союзниками. Это роскошный подарок, а по другую сторону границы его ценность взлетает еще выше. То, что стоит десять тысяч рублей в Москве, в Европе можно легко перепродать в разы дороже. В 1595 году, в ответ на просьбу Рудольфа II, императора Священной Римской империи, помочь ему в борьбе с турками, царь Фёдор отправляет в Прагу 40 тысяч шкурок соболя, 20 тысяч – куницы, 338 тысяч – белки, 3 тысячи – бобра, тысячу – волка и 120 – чернубурой лисицы. Чтобы вместить столь щедрый дар, понадобилось восемь комнат в пражском дворце, и слугам даже пришлось оставить сотни тысяч беличьих шкурок в повозках, поскольку для них не было места. Общая стоимость присланного – 400 тысяч рублей, что составляло в то время восемь бюджетов русского государства! Размах вклада Москвы в борьбу с Османской империей настолько впечатляет императора Рудольфа II, что он тотчас же посылает гонцов с вестью об этом чуде к королю Испании, Папе Римскому и всем своим союзникам.

Таким образом, добыча пушнины стоит добычи золота. Промышленник, желающий попытать удачи, рисковал жизнью и всем, что у него было. В среднем он проводил в тайге и на границе тундры от двух до четырех лет, а иногда и все семь, чтобы вернуться с одной или двумя лошадьми, груженными драгоценным товаром. Но в случае удачи все труды окупались с лихвой, и Строгановы это поняли. Одна из сделок 1623 года может дать представление о покупательной способности драгоценных мехов: за две шкуры чернубурки охотник выручил 110 рублей. Половины этих денег могло хватить на то, чтобы приобрести пятьдесят пять акров земли, построить прочный небольшой дом, купить пять лошадей, двадцать голов крупного скота, двадцать баранов, несколько десятков голов разной домашней птицы.⁵³

* * *

Притягательность добычи, скрывающейся за Уралом, быстро становится очевидной для всех. Страну охватывает «пушная лихорадка» – точно так же тремя веками позже в Америке будет бушевать золотая. Ходят слухи, что удачный охотничий сезон позволит смельчаку кормиться на протяжении многих лет. Сначала в авантюру пускаются лишь жители северных деревень, с наступлением зимы они покидают свои избы и идут на восток. Однако поток переселенцев на север ограничивало крепостное право, существовавшее в европейской части Московской Руси. Беглых крепостных ловили и сурово наказывали, и у них было мало шансов добраться до цели. Но вскоре беглецов стало больше – люди спасались от террора Ивана Грозного. Крестьяне, разоренные постоянно растущими из-за войн налогами, бросали земли и уходили. Сотни, а потом и тысячи авантюристов самого разного толка двигаются за Урал в надежде обрести эльдорадо.

Но откуда взялась эта пушная лихорадка? Чем объяснить притягательность погони за пушниной и ее резкий взлет в XVI веке? Отгадку нужно искать в Западной Европе, открывшей Америку, а также в новых навигационных технологиях, позволивших проложить надежные регулярные торговые пути в Индию. Все это вызвало бурное развитие экономики. Приток золота и серебра с андских приисков взвинтил цены и подстегнул торговый обмен. В этом водовороте элита жадно скупает предметы роскоши и деликатесы с Востока. Начинаются новые времена. Приходит мода на изысканность, нувориши хотят обладать предметами и украшениями, которые раньше могли позволить себе только аристократы. И меха входят в их число. В Средние века они – символ королевского статуса. Воротники и рукава властителей, а также военачальников чаще всего отделяли горностаем. Теперь меха доступны и другим привилегированным классам, богачам, желающим продемонстрировать свой достаток. Спрос зашкаливает. Лейпцигская ярмарка на Хохштрассе на пути из Руси в Польшу стала самой крупной в Европе, заняв место Великого Новгорода, которое тот уступил не по своей воле. Заказов так много, цены так высоки, а выгода настолько велика, что английские и голландские купцы, ходившие по северным морям, обратили взоры на Россию и начали искать способы обходиться без посредников, в качестве которых выступали немцы, евреи и поляки. Внутри России рынок мехов сужается, шкурки рвут друг у друга из рук, чтобы перепродать за безумную цену за границей. В 70-е годы XVI века в Москве было почти невозможно отыскать качественный мех соболя. Лихорадка стремительно распространилась среди промышленников приграничных областей.

Прибыв в одну из последних русских деревень, они не сразу пускались в долгий путь за Урал. Сначала нужно было к этому подготовиться. Большинство промышленников – авантюристы, собравшие все свои скудные средства, чтобы снарядиться в путь. Мужчины объединяются в ватаги – охотничьи отряды на весь сезон. Обычно в ватаге восемь – десять человек, но, если экспедицию организуют богатые купцы, она может насчитывать до пятидесяти участников. В Сибири охотиться в одиночку невозможно. Трудность пути, враждебно настроенные местные жители и особенно необходимость делить тяготы быта – все это вынуждало передвигаться и действовать сообща. Кроме того, нужно было тащить товары, предназначенные для обмена с сибирскими народами: одежду, еду и напитки, домашнюю утварь, инструменты из металла, охотничьи принадлежности, льняные ткани, мыло, топоры разного размера, мед, воск – самые частые предметы. К ним иногда промышленники добавляли более дорогие заграничные товары: шелк, медь, пряности, сахар или бумагу. Иногда, в зависимости от вклада в экспедицию, денежного или товарного, члены ватаги распределяли добычу после окончания сезона.⁵⁴

Охота на соболя происходила обычно в самом конце зимы, когда, с одной стороны, еще лежит снег, позволяющий видеть следы зверька, но, с другой стороны, его слой уже не так глубок, чтобы соболю мог спрятаться в наметенных ветрами гигантских сугробах. Кроме того, темный окрас зверька заметнее на фоне заснеженного пространства среди белых кустов и деревьев. И, наконец, именно в этот период мех соболя особенно густой и нежный – а именно от данных качеств зависит цена каждой шкурки. Летом его качество ухудшается, потому что в нем заводятся паразиты, которые заставляют зверька тереться о стволы деревьев. Ждать зимы приходится еще и для того, чтобы у молодых соболей, родившихся весной, отросла длинная и тонкая шерсть, которую мог бы оценить покупатель. Соболю, пойманный в первое лето или в первую осень его жизни, получил название «недособоль», поскольку терял большую 55 часть своей стоимости.⁵⁵

Прибыв к местам охоты, ватаги промышленников быстро возводили избу из бревен. До следующей зимы она будет служить им укрытием и складом для добычи. Затем ватага делится на группы по два-три человека, которые разбредаются по лесу для уяснения размеров и возможностей своих угодий. Когда первая разведка окончена, они строят ловушки вдоль опре-

деленного маршрута (путика) и небольшие избушки, чтобы укрываться там от непогоды или отдыхать во время регулярной проверки ловушек.

Затем необходимо настроить ловушки, положив в них приманку. При охоте преследованием главное – не попортить шкурку. Многие охотники из числа местных народов могут добыть соболя, попав ему стрелой прямо в глаз. Один из первых иностранцев, побывавших в России, Зигмунд Герберштейн, австрийский дипломат и посланник Карла V, с восхищением пишет об этом. В записках, адресованных монарху, он упоминает о мастерстве кочевников, мимоходом сообщая об их свободных сексуальных нравах: «Они все очень искусные стрелки, так что если во время охоты встречают благородного зверя, [то] убивают [его] стрелой в морду, чтобы получить шкуру целой и неповрежденной. Отправляясь на охоту, они оставляют дома с женой купцов и других иноземцев. Если по возвращении они найдут жену веселой [от общения с гостем и радостнее, чем обычно], то вознаграждают его каким-нибудь подарком; если же напротив, то с позором выгоняют».⁵⁶

Однако обычно охота не столь эффектна. Промышленники действуют гораздо более прозаично. Они роют ямы и огораживают их острыми колышками. Чтобы схватить приманку, соболь протискивается сквозь узкий проход и ступает на доску, которая переворачивается, сбрасывая его в яму. Каждый охотник может построить двадцать ловушек такого типа в день. После установления нескольких десятков ловушек ватага снова перераспределяет обязанности: одни продолжают изготавливать западни, а другие обходят уже сделанные. Если ловушки не приносят достаточно добычи, охотники ищут звериные норы, чтобы поставить у них сети. На них вешают маленькие колокольчики, которые звенят, когда зверек выбирается из норы. Начинается долгое ожидание, иногда длящееся несколько дней, прежде чем зверек решается вылезти на поверхность. Если соболь прячется на дереве, охотник пытается согнать его вниз в разложенные там сети.

Шкурки с добытых зверьков сдирают и обрабатывают. Глава экспедиции ведет счет добыче. Шкурки собирают в связки по сорок штук. Сорок – это мера исчисления драгоценных мехов. Через несколько месяцев ватага снимается с места и продвигается вдоль рек или идет к ближайшим русским крепостям, чтобы пополнить запасы провизии и других необходимых предметов, а также продать часть добычи. Года через два-три охотник мог вернуться в европейскую часть страны на лошади с несколькими сотнями шкурок, а самые богатые купцы вроде Строгановых, финансирующие экспедиции, получают их тысячами.

Для зажиточных купцов весь цикл от первых инвестиций до распродажи запасов занимает несколько лет. После крупных ярмарок в июле и августе, на которых происходят основные торговые операции, в частности, экспортные, купцы – главные поставщики пушнины – собирают новые отряды: 20, 30, иногда до 50 повозок, а затем саней, ползущих по мерзлым склонам и дорогам Урала. Главная задача – попасть в бассейн реки Оби к началу ледохода, когда ледяной панцирь лопается с оглушительным грохотом. Обоз продвигается медленно, нужно идти по реке на север и терпеливо ждать лета, чтобы по притокам пробираться дальше на восток. Если повезет, можно оказаться в Мангазее к началу второй зимы и на санях добраться до охотничьих угодий, предварительно справившись у воеводы и других промышленников о количестве зверя. Затем – один, два, три промысловых сезона и обратная дорога домой, на этот раз уже вверх по Оби. Другая возможность – идти морем, это короче, но грозит потерей корабля. После четырех или пяти лет промысла соболя или чернобурой лисицы стоило подождать еще годик, чтобы продать добычу по самым высоким ценам на ярмарке в Архангельске. В целом – пять или шесть лет, когда первоначальный капитал уже вложен, а доходов еще нет. Только самые богатые, среди которых так называемые гости (самые крупные купцы), поставщики двора, могут позволить себе каждый год вкладывать в охотничьи экспедиции немалые для того времени средства.⁵⁷

Безденежные искатели наживы нанимаются в крупные экспедиции, а потом, накопив за два или три сезона в Сибири небольшие средства, пополняют ряды независимых охотников.

Продвигаясь в глубь Сибири, промышленники строят вдоль пути деревянные крепости, так называемые остроги. Они вырастают на стратегически важных местах, в устьях притоков или в начальной и конечной точках волоков, которые позволяют, перетаскивая лодки, переправлять товары из бассейна одной реки в бассейн другой. Западная Сибирь – равнина с очень небольшими уклонами. Омск, стоящий на Иртыше в 1 500 км по прямой от его устья, располагается на высоте всего 87 м над уровнем моря, а Новосибирск, стоящий на Оби, – на высоте ста метров. Море же находится в 2 800 км. Медленно несущие свои воды реки во все времена служили транспортными артериями. Историческая аксиома: кто владеет реками – владеет страной. А кто владеет волоками – владеет реками.⁵⁸

Крепости, возникающие одна за другой вдоль путей охотников, очень похожи. Длинный деревянный часток из бревен, заостренных на концах и вбитых в землю, обычно высотой четыре-шесть метров. Через равные промежутки в нем проделаны отверстия – бойницы, позволяющие стрелять. По четырем углам острога, а также над главными воротами надстраивались башни от десяти до пятнадцати метров в высоту, также имевшие оборонительные функции. Туда втаскивали пушки. Стены снабжены брустверами для часовых, а поперек главных дорог повалены стволы деревьев, затрудняющих подход к крепости в случае атаки.⁵⁹ Остроги нужны как убежища во время вооруженных столкновений с местными жителями, поэтому их строили очень быстро – обычно за несколько недель, однако постройки оказывались не очень качественными и требовали частых ремонтов.

Впоследствии они становятся административными центрами. Если острог играл особенно важную роль, строилась вторая линия стен, а также рылись рвы – один или два. Внутри деревянной цитадели находились склады, арсенал, жилые постройки для промысловиков, а позже – чиновников.⁶⁰ Остроги строились первопроходцами, охотниками и авантюристами. Но, как только новость о возведении очередного острога доходила до центра, бразды правления перехватывались, и туда посылались специальные люди: воевода с гарнизоном, отряды казаков, которых держало на службе государство, а также горстка чиновников и служителей,⁶¹ отвечавших за перевозку съестных припасов и военного снаряжения. Главная проблема при продвижении русских в глубь Сибири, как станет скоро понятно, состояла в отсутствии овощей и особенно злаковых культур. Их было трудно или почти невозможно выращивать из-за климата, и на протяжении первых десятилетий освоения Сибири отсутствие крестьянских поселений давало о себе знать. И трудности лишь увеличивались по мере того, как охотники уходили все дальше в сторону Тихого океана. Но поначалу «мягкое золото», как еще называли пушнину, манило настолько сильно, что препятствия не имели значения. Часто через небольшое время после возникновения острога вне его стен строился укрепленный монастырь. Так и происходило продвижение Московской Руси к Тихому океану: в авангарде охотники и купцы, добывающие нежную и ценную «рухлядь», за ними шагает государство, отодвигая все дальше и дальше свои границы.

Строительство острогов – лишь первый этап завоевания земель. Как только закончено возведение деревянных стен, начинается сбор ясака. Местные народы хорошо знакомы с этой процедурой, поскольку до прихода русских уже платили дань своим сюзеренам татарам. Это на руку русским: они перенимают инструмент взимания дани, не меняя существующую феодальную систему и иногда сначала даже занижая размер ясака, чтобы укрепить власть. Так, например, некоторые народы Урала способствовали продвижению русских, выступив против Кучума, и тут же получили снижение налога на две четверти по сравнению с требованиями хана.⁶² Смягчение налогового бремени носило временный характер, однако очень помогало становлению новой власти за Уралом.

Дань выплачивается шкурками самого лучшего качества. Очень быстро соболь становится эталоном и мерой ясака во всей империи. Меха других животных оцениваются по отношению к соболиному налоговому стандарту. Сборщики отбрасывают те, которые трудно будет сбывать на ярмарках, – дырявые, рваные или порченые, внимательно осматривая лапы, хвост и брюшко каждой шкурки, так как там чаще всего обнаруживается брак.⁶³ Недостаточно густые и шелковистые шкурки слишком молодых особей решительно отвергают. Обычно ясак собирают осенью, когда годовой охотничий цикл подходит к концу. В некоторых местах дань выплачивается подушно, в других – коллективно. В первом случае ясак платит каждый мужчина, чей возраст позволяет охотиться. Кто живет неподалеку от острога, должен явиться сам с необходимым количеством шкурок. Данника или вассала принимают с соблюдением определенных формальностей: его кормят и поят. Феодальный ритуал, сопровождающий выплату ясака, предполагает наличие представителя самого царя. Принесенное внимательно изучают, описывают и только потом отправляют на специальный склад. Однако такой процесс требует переписи местного населения, которую совершенно невозможно организовать. Из-за этого часто воеводы ограничиваются назначением примерного объема дани и ведут переговоры о нем с общинами. Сборщики ясака на много недель отправляются в тайгу.

Конечно, призвать местных жителей в острог для выплаты дани можно лишь в том случае, если они живут неподалеку от крепости. Сибирским кочевникам легко раствориться на бескрайних просторах тундры и в лесах и не выплачивать ясака. Тут русские прибегают к другим аргументам. Самый эффективный – захват заложника (аманата), становящегося живым гарантом выплат. Обычно воеводы посылали вооруженный отряд, который принимал присягу у населения окрестностей острога. Таким образом местные жители переходили под протекцию царя и должны были дать обещание платить ясак. Часто их вынуждали выслать в качестве заложников двоих или троих человек, занимающих заметное место в общине, – шамана, кого-то из старейшин или из знати. Их доставляли в ближайший острог и держали в заключении, условия которого должны были быть хорошими, иначе можно было лишиться ясака. Когда наступал момент выплаты годового налога, родственники заложника приходили в острог, чтобы убедиться, что он находится в добром здравии.⁶⁴ Иногда, если община находилась слишком далеко, русские перевозили заложника поближе к поселению кочевников и ставили небольшой сруб из бревен, в котором прорубали проемы, через которые жители деревни могли смотреть на своего родича. Разreshалось также поменаться с ним на следующий фискальный период.⁶⁵

Некоторые воеводы предпочитали кнуту пряник и уповали на подарки, ради которых кочевники приходили к острогу. Приносящим ясак дарили зерно, топоры, железные ножи, бусы, дешевые ювелирные украшения, медные или оловянные предметы, одежду. С одной стороны, это позволяло убедиться в доброй воле и дружелюбии власти, а с другой – подтолкнуть местных жителей продавать излишки пушнины, добытой в охотничий сезон, русским властям или купцам.

В принципе, размер дани устанавливали каждый год местные власти, которые отчитываются перед центральной администрацией. Цифра значительно колебалась в разное время и в разных районах. В среднем ясак обычно составлял от пяти до семи соболей с одного мужчины в год. При этом речь шла исключительно о мужчинах-охотниках. Иногда для женатых мужчин размер немного возрастал, поскольку считалось, что они располагают большим временем для охоты, чем бессемейные. В середине XVII века в Западной Сибири ясак составлял три соболя с мужчины. Но в архивах сохранились документы, свидетельствующие о баснословных поборах, например, от 18 до 22 соболей с человека.⁶⁶

Соболь стал главной причиной присутствия русских в Сибири. В новоприобретенных землях мех превращается в меру всего. Колониальная политика сформирована под задачу

собрать максимум пушнины. Сбор ясака настолько важен для казны и финансирования зарубежных приобретений двора, что никто и ничто не должно замедлять этот процесс и уж тем более чинить ему препятствия. Именно одержимостью соболем объясняется относительно мирный характер продвижения русских в глубь Сибири. Завоевание Америк будет проходить с особой жестокостью по отношению к аборигенам и даже приведет частично к их истреблению, тогда как экспансия русских не имела столь губительных демографических последствий. В самом начале XVII века в Сибири проживало примерно 300 тысяч человек.⁶⁷ В 1900 году в Сибири насчитывается 800 тысяч жителей, тогда как за тот же период число индейцев Северной Америки уменьшилось с 3 млн до 300 тысяч.⁶⁸

Казаки вовсе не гуманисты. Просто государство, следующее за ними по пятам, тщательно следит, чтобы курам, несущим золотые яйца, не свернули головы. Новых подданных нужно было беречь, чтобы они исправно платили ясак. За два века пушной лихорадки центральная администрация подготовила впечатляющее количество законов, предупреждений и специальных указов, цель которых – обеспечить эффективность деятельности местного населения и, следовательно, выплату ясака. Эти рукописные документы, подготовленные Сибирским приказом, отвечавшим за новые зауральские колонии, тщательно переписывали и рассылали по острогам.⁶⁹ Сибирский приказ размещался в Кремле, в деревянных палатах, на эспланаде над Москва-рекой,⁷⁰ – теперь на этом месте вертолетная площадка. Сибирский приказ, приписанный сначала к Посольскому приказу, после 1637 года стал мощной организацией. Он – начало начал всего, что происходит и готовится в Сибири. Сибирский приказ издает законы от имени царя, назначает воевод, собирает ясак. Сибирский приказ занимается хранением пушнины и ее продажей, в том числе и за границу. В царской администрации этот приказ соперничает с такими крупными структурами, как казначейство или Разбойный приказ. Именно он возглавлял проникновение русских в Сибирь, пока Екатерина Великая не ликвидировала это государство в государстве.

Как же обеспечить безопасность местным жителям, которых так ценила власть? Сибирский приказ придерживается твердой позиции. Прежде всего, воевода, получивший в управление острог, должен, согласно инструкции, созвать местных религиозных вождей, угостить их вином, одарить разными безделушками, чтобы уговорить их стать русскими подданными и платить ясак.⁷¹ По всей вероятности, это обращение не всегда заканчивалось успехом. Многие суровые промышленники, прибывшие покорять новые земли, испытывали большое искушение облегчить себе жизнь и использовать преимущество своего оружия для грабежа местных жителей. Воеводы, присланные в отдаленные гарнизоны на несколько лет, тоже были не против создать небольшой подкожный запас, отправив в свой сундук несколько великолепных черных и бурых шкур. Однако директивы из Москвы следуют одна за другой: воеводам, как и другим царским служащим, категорически запрещается торговать пушниной, а чуть позже – даже принимать ее в подарок. Разрабатываются разные меры, чтобы пресечь злоупотребления, связанные со сбором ясака. Например, нельзя беспокоить одно племя чаще, чем раз в год. Нельзя требовать дань, если община по какой-то особой причине не в состоянии выплатить долг. Лучше отказаться от сбора задолженности, чем давить на «местных» и тем самым вынуждать их уходить. Чтобы пресечь разного рода нарушения, вести о которых доходят до Москвы, власти идут еще дальше в желании защитить местных жителей: если воеводам придется разбирать дела, в которых был замешан кто-то из коренных общин, полагалось проявлять осторожность и следить за тем, чтобы решение или приговор не противоречили традиционным установлениям.⁷² Но и этого мало. Воевода являлся главным судьей для русских, однако у него было отнято право приговаривать к смертной казни кого-либо из местных. Такие приговоры становились прерогативой центра. Промышленники даже жаловались в Москву, что «от воров без государева указу собою оборониться не смеют».⁷³

Тут не может быть иллюзий: поскольку целая кипа указов и распоряжений направлена на то, чтобы ясак полностью поступал в государеву казну, – власти защищали его, а не местное население. Так, например, промышленникам запрещалось покупать шкурки у местных охотников до выплаты ясака. Иначе говоря, самые лучшие образцы должны были попасть в царскую казну. Для того, чтобы ничто не укрылось от надзорного ока, был введен запрет на продажу, покупку соболей и их обмен где-либо, кроме острогов и русских ярмарок.

Безумная гонка за ясаком могла приводить к неожиданным результатам. Сибирский приказ накладывает из Кремля вето на торговлю с местными народами. Не разрешена продажа алкоголя, табака, любых воспламеняющихся веществ, а также ножей, топоров и огнестрельного оружия, хотя многие товары могли бы улучшить технологии промысла. Запрещены также азартные игры. И снова речь не идет о заботе об общественной морали. Речь не идет также и о предупреждении мятежей. Нет, просто водка и табак могут привести к дракам, чреватым тяжелыми последствиями, если их участники вооружены. Не допустить ранений! Сберечь рабочие руки! Двойственность административной политики становится особенно очевидной, когда речь заходит о столь деликатном вопросе, как смешанные браки: отсутствие русских женщин в острогах, выросших на берегах рек, и тем более в лагерях промысловиков в тайге толкает их на то, чтобы брать себе в жены представительниц местных народов. Смешанные пары – скорее правило, чем исключение. Так начинается процесс «смешения», который сыграет главную роль в ассимиляции местных племен и будет способствовать продвижению русских. Но в повседневной жизни подобные истории становятся источником постоянных конфликтов. Жалобы на похищения, изнасилования и браки, заключенные против воли невесты, сыплются на воеводу и даже в Москву. Казаки недовольны, они постоянно сетуют, что им «женицца не на ком» и пишут государю, что «без женишек» им «быти никак немочно!». ⁷⁴ Местные общины тоже недовольны. Но больше всех гневается православная церковь, представители которой – миссионеры среди пионеров освоения Урала и Сибири. «Беспутство» промышленников и служивых мешают политике обращения в христианство, которую церковь намерена вести в широком масштабе. Патриарх Филарет жалуется, что многие «с татарскими и с остяцкими и с вагулецкими поганскими женами смешаются и скверныя деют, а иные живут с татарскими с некрещеными как есть с своими женами и дети с ними приживают». ⁷⁵ Чтобы проповедовать христианство, священники и монахи первыми вынуждены осваивать чужие языки. Им приходится также защищать свою новую паству от злоупотреблений. Столкнувшись с повсеместным «распутством», они пытаются легализовать смешанные союзы – через крещение и венчание.

* * *

Сначала царь поддерживает эту политику крещения и венчания. В конце концов, переход новообращенных подданных в его религию отвечал интересам государства. Ведь в ту пору в сознании людей не существовали ни гражданство, ни национальность. До царствования Петра I, до начала XVIII века, на всем огромном пространстве не было ничего, что указывало бы, где кончается Русь и начинается другая страна. Русский тот, кто приносит клятву верности царю и выбирает православие. Переход же в православие определяется отношением к браку и соблюдением постов. Происхождение человека и его этническая принадлежность не имеют значения. Кто держит пост и связывает себя узами брака, может рассматриваться как христианин, иначе говоря, православный. А православный человек и есть русский. Аминь.

Все это, конечно, хорошо. Но Москва вдруг осознает, что страдают интересы государства. Ведь главное для государства – это ясак. Но ясак не берут с русских подданных. Государство проявляет чудеса изобретательности, чтобы как-то совместить представление о нравственности, требования церкви и доход от ценной «мягкой рухляди», которая остается его важнейшей

целью. Сначала оно решительно осудило коллективные крещения, потом запретило проводить этот обряд насильно, предписав получить сначала разрешение от светских властей, и, наконец, выработало тонкую стратегию, поощряя переход в православие, но исключительно женщин, поскольку те и так не платили ясак.

Однако, несмотря на все усилия Сибирского приказа, несмотря на все предупреждения из Москвы, несмотря на постоянно повторяемые указы, сосуществование русских и сибиряков далеко от той гармонии, о которой мечтают бояре сидя в Кремле. Воеводы, живущие в нескольких неделях или даже месяцах езды от Москвы, по сути, обладают почти неограниченной властью. В Сибирском приказе понимают, что злоупотребления неизбежны, и поэтому выдают своим представителям мандат на ограниченный срок. В принципе, воевода управляет острогом и вверенной ему областью не больше двух – трех лет. Очевидно, что Москва таким образом пытается помешать росту злоупотреблений на местах. Получив назначение, воевода прибывает в Кремль, где ему выплачивают жалованье – деньгами и продуктами. Он может взять с собой только разрешенное специальным указом количество вещей и денег, причем перед отъездом составляется подробный их перечень. Все, что не включено в него и кажется подозрительным, отбирается на заставах, расположенных на трактах. На обратном пути процедура повторяется: воеводу и его семью тщательно обыскивают, любое нарушение правил, любое превышение объема багажа жестко наказывается. На заставах таможенный голова должен был «в возах, сундуках, в коробьях, в сумках, чемоданах, в платьях, в постелях, в подушках, в винных бочках, во всяких запасах, в печеных хлебах... обыскивать мужеский и женский пол не боясь и не страшась никого ни в чем, чтоб в пазухах, в штанах и в зашитом платье отнюдь никакой мягкой рухляди не привозили... а что найдут, то брать на государя».⁷⁶

Но все меры не очень-то эффективны. Архивы Сибирского приказа изобилуют жалобами и рапортами о проверках. Из них можно составить бесконечную хронику бедствий от царившего на местах произвола. Отрезанные от мира, жители острогов решают споры на свой манер, и даже самый благонамеренный воевода быстро оказывается затянут в пучину варварства и грубой реальности. Вот, например, такая история. Юная Варвара была изнасилована промышленником во время сезона рыбалки. Она забеременела и родила младенца, которого насильник и предполагаемый отец отказывался кормить. Варвара бедствовала, и ее мать пожаловалась воеводе Михаилу Волчкову. Но, когда тот решил дело в пользу девушки и приговорил ее обидчика к наказанию кнутом, штрафу, а также велел ребенка кормить и поить, промышленник обратился за помощью к своему московскому покровителю и стал подбивать служилых людей написать донос на воеводу. Через четыре года насилия, доносов и контр-доносов, воевода был приговорен к смертной казни на кремлевской площади за казнокрадство. Но, приняв во внимание его службу в Сибири, наказание ему «смягчили»: воеводу публично били кнутом, затем трижды «запятнали», то есть выжгли железом на лбу и на обеих щеках букву В (вор) и отправили на каторгу в Азов.⁷⁷

Однако чаще всего преступления в дальних приграничных областях совершали сами представители власти. Бывало, что они лежали в области отношений с местными общинами. То один воевода похитил сына главы племени и потребовал непомерный выкуп, то его коллега забрал всех детей и объявил, что вернет их только в обмен на пушнину – по соболю за ребенка. Были случаи, когда представители власти пытали местных жителей до смерти. Бывало, что вымогали «подарки». Сообщается о «напрасных» наказаниях кнутом, о нанесении увечий, о пытках голодом, о казнях через повешение, не говоря уж о частых случаях грабежей у местного населения мехов и другого имущества. Иногда жалобы доходили до центра, но спустя много времени. Нужно было привлекать переводчика, которого, как правило, подкармливал воевода для контроля почты. Скорее всего, жалобы, осевшие в центральных архивах, лишь немногие крохи свидетельств о преступлениях покорителей Сибири.

Местное население, рассеянное по огромной территории и жившее небольшими общинами вдоль рек, не было в состоянии объединиться. Но все-таки отдельные бунты вспыхивали. Какие-то народы отказывались платить ясак. Так, ясачный сборщик Иван Роставка сообщает, что на него в тундре напали самоеды-кочевники и убили двоих его людей. Он пишет, что ему с трудом удалось отбиться: «Тое юратскую самоедь от ясашного зимовья били из ружья». Затем самоеды пошли вдоль реки, убивая встречавшихся им русских промышленников и разоряя их зимовья, так что «у иных посадских людей жен их и детей на льду связана заморозили до смерти». ⁷⁸ На остроги нападали, их поджигали. Охотников, отправившихся на разведку в тайгу, убивали. Община остяков (хантов), жившая на Оби, бросилась в полном составе в воду, предпочтя коллективное самоубийство подчинению новой власти. ⁷⁹ Много раз, если обстоятельства позволяли, общины бежали со всем имуществом, чтобы спастись от контроля со стороны русских и от ясака. И все же можно сказать, что в целом первые русские покорители Сибири столкнулись с очень слабым сопротивлением, особенно если сравнить с ходом колониальных завоеваний европейцев в Америке или Африке. Как показывают современные исследования, за первый век пребывания русских в Сибири коренное население потеряло примерно шесть тысяч человек. ⁸⁰

Конечно же, государева казна пополнялась не только ясаком. Все промышленники, от самых скромных до богатых купцов Строгановых, должны были платить налог. На Западе монарх постепенно уходит из сферы торговли, чтобы сосредоточиться собственно на правлении, но не так обстоит дело на Руси. В силу феодальной традиции владения царя превращаются в его личную собственность. Поэтому-то освоенные земли и, конечно же, пушнина, которая там добывается, тоже принадлежат ему. «Царь – хозяин, а его подданные остаются слугами», – замечает американский историк Реймонд Фишер. ⁸¹ Как он остроумно замечает, между Сибирью и державой-колонизатором нет ни одного океана, поэтому ее завоевание привело к последствиям, совсем не похожим на те, что имели место в ходе испанской, португальской, английской, голландской или французской колонизации заморских территорий. Действительно, на Западе монархи для завоеваний должны были опираться на торговый флот. Ни одно государство само по себе не способно было решать подобную грандиозную задачу. Купцы осознавали свою роль, и очень быстро их влияние на общество усилилось. На Руси же, наоборот, географическая непрерывность пространства устраняет необходимость резких силовых решений: империя прирастает, а вместе с ней – богатство государя. «Если бы русским пришлось пересечь океан, подобно англичанам, голландцам или французам, которые вынуждены были проделать этот путь, чтобы достичь своих колоний, то царь, конечно же, отдал бы все опасности и риски на откуп частным инициативам своих подданных», – полагает Раймонд Фишер ². Но в России купцы – всего лишь помощники, которых государство терпит и которых из которых старается контролировать, насколько это возможно. Представление о монархе, который, исходя из общих интересов, разрешает своим подданным вести свободную торговлю, зарождающуюся в Европе, и даже облегчает ее, абсолютно чуждо русскому царю. Это серьезное расхождение определит непохожесть подхода к вопросу о том, как связаны между собой государство и мир коммерции.

Главный инструмент давления на промышленников и купцов – десятина, взимавшаяся с добычи. Охотники, вернувшись в острог, должны были предъявить свои трофеи. Сборщики забирали одну шкурку из десяти, выбирая «лучшие из лучших» и «среднюю из средних». Сначала этим занимались воеводы и служилые люди, однако, как и в случае с ясаком, злоупотреблений было такое количество, что Сибирский приказ принимает решение устроить внутренние

² Верность этого предположения доказывается тем, что два века спустя именно так все и произошло в случае с завоеванием Россией Аляски. Вместо того, чтобы самому управлять новой колонией, российское правительство доверило эту функцию частной «Российско-американской компании». Raymond F. Fisher, *The Voyage of Semen Dezhnev in 1648. Bering's Precursor with Selected Documents*, Londres, *The Hakluyt Society*, 1981, с. 145.

заставы и поручить им наблюдение за рынком мехов и сбор десятины. Так появился мощный бюрократический аппарат, связанный с пушниной. Новая администрация будет разрастаться и ветвиться – по городам, потом по острогам, потом на границах Сибири и Урала и, наконец, на дорогах, где проверки могут длиться часами и даже днями напролет.

Государство, боясь контрабанды, настаивает, что охотники должны платить налог сразу, вернувшись из леса, – до того, как они захотят продать или обменять добычу. Запрещается продавать пушнину до выплаты десятины, а еще – совершать любые торговые операции вне стен острога, где находится воевода, или же в отсутствие чиновника. На каждой заставе нужно было показать бумагу, где записаны все шкурки, которыми владеет путешественник. Документ тщательно проверяли и перепроверяли. Если обладатель трофеев не мог доказать, что заплатил десятину, его имущество конфисковывалось, а сам он бывал бит. Поскольку государству стало мало десятины, другие налоги посыпались на головы смельчаков, решившихся попытать счастья в неизведанных землях. На обратном пути каждая остановка грозит новыми налогами. «Промышленник, прибывший по реке, должен был платить за право войти в порт, а затем – внести еще специальную плату за каждого человека на борту. Если он путешествовал зимой, то платил сборы за лошадей. По прибытии в город, промышленник должен был поспешить предоставить каталог товара и квитанцию об уплате десятины. Ему также надлежало оплатить труды по проверке документов и взвешиванию шкурок. После этого промышленник привозил свой товар в гостинный двор, где платил за склад. Чтобы начать торговлю, также нужно было платить. Во время своего пребывания в городе он должен был заплатить единовременный налог, а еще – налог за право проживания. Покидая город, он платил налог за выезд и вдобавок вознаграждение за то, что ему вернули все документы и паспорт».⁸²

Фискальное воображение бурлит: промысловиков и купцов подстерегают двадцать пять видов только путевых налогов.⁸³ И тем не менее торговля процветает! Возможно, промышленники и другие отважные торговцы мехами находили способы обходить установленные порядки. Путаница регламентирующих указов, при помощи которых государство пыталось извлечь выгоду из пушного бума, – благодатная почва для коррупции. В восточной Сибири одного наместника арестовали за то, что он отправил домой пятьсот тридцать семь «сороков» соболиных шкур, полученных в качестве взятки от сборщиков ясака.⁸⁴ С самых первых дней русская администрация в Сибири хлебнула горя. Проблемы не исчезнут и в последующие столетия. «Вообще в Сибири, несмотря на холод, служить чрезвычайно тепло», – иронически писал Ф. М. Достоевский.

Что касается Сибирского приказа, то он остается на сугубо прагматических позициях: его цель – отправить в амбары государства тонны пушнины, полученной в качестве ясака или десятины. Изучение налоговых сборов XVI–XVII веков показывает, что в разные годы 65–80 % шкурок, которыми владело государство, имело источником ясак, выплачиваемый местными народами, а 15–30 % – десятину. Остаток в 5 % – это подарки царю или прямые закупки государства у охотников. Однако невероятная «золотая жила» соболя не бездонна, и количество пушных зверей также ограничено естественными рамками. Каждый год за Урал отправляется от пятисот до 1 500 новых промышленников. Они присоединяются к охотникам, которые уже осели в тех местах. В охотничьих угодьях начинается настоящая бойня: за семь лет мангазейская застава зарегистрировала отлов 477 679 соболей.⁸⁶ С годами местным жителям становится все сложнее выбирать свою норму. В Западной Сибири добыча, составлявшая в конце XVII века десять – двенадцать соболей на охотника, через пятьдесят лет упала до трех.⁸⁷ К тому же промышленники улучшают технику охоты. Например, они начинают использовать специально натасканных собак и усовершенствованное оружие. Но и они не могут не замечать, что поголовье зверья убывает. Охотники, привыкшие возвращаться со ста двадцатью или двумястами соболями, спустя несколько лет начинают жаловаться, что за весь сезон им уда-

ется добыть всего пятнадцать или двадцать особей.⁸⁸ Исследования показывают, что скорость исчезновения пушных зверей, главного объекта охоты, в некоторых местах близка к 75 % за сто лет.⁸⁹ Соболь, главная цель охотников, встречается все реже, и, естественно, увеличивается промысел других животных. Государство, желая сохранить свой доход, реагирует увеличением налогового давления и усиливает контроль за пушниной. Местные народы, которым становится трудно выплачивать ясак, выбивают поголовье ценных зверьков почти начисто. И тогда промышленникам ничего другого не остается, как продвигаться дальше, к востоку, где их ждали новые промысловые угодья. Все дальше и дальше.

С XVI века в европейской части Руси соболя уже не сыскать, и начинается общее движение в Сибирь.⁹⁰ Это сочетание факторов и есть движущая сила завоевания. Процесс исчезновения соболя задает ритм продвижения русских к Тихому океану. Оно происходит быстро, поскольку царь – не единственный, кого обуревают жажда «мягкой рухляди». За пределами русского государства другие силы заглядываются на «эльдорадо нежного золота». Скоро они постучатся в ворота русского царства.

Северное окно в Европу

Пока Россия находилась во власти пушной лихорадки, а богатые северные купцы начали продвижение в Сибирь, Западная Европа еще не оправилась от потрясения, вызванного невероятными открытиями Колумба, Магеллана, Васко де Гамы и других путешественников, в одночасье расширивших границы изведанного мира. Англия, не входившая в клуб первопроезжцев, объединявший Испанию и Португалию, вынуждена была со стороны наблюдать за невероятным экономическим взлетом своих средиземноморских конкурентов. Галеоны везут золото, а крупные английские купцы, сидя в портовых городах Атлантики, лишь скрежещут зубами. На путях через Южную Атлантику, Гвинейский залив, Индийский и даже Тихий океаны находятся испанские и португальские фактории, к тому же, пользующиеся покровительством Папы. Чтобы урвать свою долю от пирога, которым являлся для Европы новый мир, англичане вступали в трехстороннюю торговлю, в частности, рабами. Однако они ясно понимали, что попытки проникнуть в южное полушарие с торговыми целями станут источником конфликтов, например, с той же мощной Испанией.

А север? В этом направлении возможности есть! Север не закрыт, ничто не мешает его завоеванию. В 1525 году Дмитрий Герасимов, посланный гонцом к папе Клименту VII, закланному врагу короля Испании, пытался убедить Святого Отца, что можно попасть в Китай, следуя через Московскую Русь, вдоль берегов омывающего ее северного океана.⁹¹ В то время эта идея буквально витала в воздухе. Прошел год. Роберт Торн, сын богатого купца из Бристоля, был послан отцом в Севилью, чтобы попытаться извлечь хоть какую-нибудь выгоду из экономического бума, охватившего Андалузию. Именно Роберт Торн первым предложил искать путь в Китай, двигаясь в противоположном проторенному испанцами пути, а именно – в сторону холодных вод Крайнего Севера. Он писал английскому королю, что Англия сможет затмить дерзкие успехи Испании, если только выберет этот оригинальный и никем не пройденный путь. «Одни устремились на Восток, другие потекли на Запад, но остаются еще северные земли. Королевство Ваше расположено ближе остальных к этим землям, кому же, как не Вашему Величеству открыть их? Это Ваш прямой долг», – гласит его послание, которое он вручает находившемуся при испанском дворе английскому посланнику.⁹² Само собой разумеется, что конечным пунктом по-прежнему остается Китай. Его богатства – золото, ткани, чай и фарфор – тревожат воображение европейцев с тех пор, как тремя веками ранее там побывал Марко Поло. Европейские купцы уверены, что там скрывается настоящая золотая жила – неисчерпаемый источник богатства. В труде Армения Хайтония-Гринеуса, переизданном в 1532 году, как и во многих других старинных сочинениях, где упоминались описания Китая Марко Поло, сообщается, что государство Китай – «самое большое в мире»: «в нем живут многие народы и скрываются баснословные богатства и сокровища. Его жители умнее и искуснее, чем в других странах, и превосходят всех в искусствах и науках».⁹³ Чтобы попасть в этот прекрасный мир, как пишет Роберт Торн, нужно открыть новый путь – обогнуть Америку или Азию с севера. Чтобы подкрепить свои аргументы, англичанин даже составил карту мира и издал ее за свой счет. Эта карта должна была показать преимущества нового видения мира, призванного опровергнуть существовавшие до того представления.

Однако идея не была совершенно новой. Через пять лет после первого путешествия Христофора Колумба, другой итальянец, венецианец Джованни Кабото³, ставший с того момента,

³ Джованни Кабото был гражданином Венеции, когда он решил вступить в торговые отношения с Англией. Однако о его происхождении ничего доподлинно неизвестно: предполагают, что он родился либо в провинции Генуя, в Лигурии, либо в провинции Латина (область Лацио) – в Газте. Во время первого путешествия 1497 года он проплыл вдоль американского побережья, неподалеку от Лабрадора, Ньюфаундленда и острова Мэн, оставшись в уверенности, что побывал в Азии. По

как он предложил свои услуги Англии, Джоном Каботом, занимался, правда, тщетно, поисками прохода в Тихий Океан через Северную Америку. План Роберта Торна был словно создан для Себастьяна, сына Джона Кабота⁴, тоже опытного мореплавателя. С ранней юности он рвался завершить дело отца, не вернувшегося из экспедиции. Себастьян возглавлял разные экспедиции по поручению сначала английского, а затем испанского короля. Уж не из-за плана ли Торна Себастьян переметнулся от испанцев к англичанам? Как бы там ни было, Карл V, король Испании и Нидерландов, с гневом обрушивается на гнусного изменника и требует, чтобы английский король выслал его из страны.⁹⁴ Наконец, в 1553 году Себастьяну удастся собрать необходимые средства, чтобы воплотить мечту своей семьи: добраться до «Катая», как тогда называли Китай. Себастьяну исполнилось уже 76 лет, когда его поставили во главе нового плавания, на этот раз – на северо-восток, к Азии. План более чем смелый: только викинги да еще поморы, о существовании которых блистательная Европа и не подозревала, отваживались плавать по северным водам планеты. К услугам Себастьяна, конечно, новые способы навигации, благодаря которым стали возможны длительные переходы и, следовательно, новые открытия. Однако на севере, в условиях полярной ночи, накрывающей эту часть мира на долгие месяцы, таятся особые опасности: дрейфующие льды грозят взять корабль в оковы посреди моря, климат тяжел для экипажа и никаких укрытий на берегах. Ну и, естественно, не отменяются обычные трудности, связанные с длительными морскими путешествиями, например, цинга.

Но об этом почти ничего не знают 240 лондонцев, готовых поддержать Себастьяна и профинансировать его экспедицию. Среди них купцы, которых привлекло страстное желание добраться до Китая, а также некоторые высшие сановники королевства. Но инициатива, как и в Московской Руси, где в это время происходит масштабное движение на восток, идет не от государства. Наживкой служат будущие барыши, «слухи об огромных богатствах, которые португальцы и испанцы каждый год вывозят из Индии»,⁹⁵ а еще, правда, в куда меньшей степени, – любопытство. Купцы готовы рискнуть. Себастьян Кабот избран «предводителем» экспедиции и выбрал капитана – сэра Хью Уиллоби, а также главного штурмана – Ричарда Ченслера. Вместе они должны привести эскадру в Китай. Инвесторы снаряжают три корабля: «Эдуард Бонавентура», «Бона Эсперанца» и «Бона Конфиденция». На борт поднялись восемнадцать лондонских купцов, потом загрузили товары. Ричард Ченслер берет с собой выданное Эдуардом VI высочайшее королевское разрешение, а также подписанную им эпистола ко «всем королям, князьям, владыкам, судьям и правителям Земли, как и всем тем, кто имеет подобное достоинство во всех землях под небесами». ⁹⁶ В эпистоле король призывает всех правителей пропускать английские корабли и помогать экипажу. Этот документ, выдержанный вполне в духе своего времени, адресован неизвестным людям. В нем речь идет о благих целях английских купцов, а также о выгодах торгового обмена между народами. Свободная торговля, как говорится в эпистоле, есть лишь выражение божественной воли, поскольку «Небесный и Земной Бог, всем одаривший человечество, не позволил, чтобы все скопилось в одной части света, с тем, чтобы одни люди нуждались в других и чтобы благодаря этому дружество распространилось между ними». ⁹⁷ Скромная позиция государства, воспевание торговли, приносящей доходы, – все это очень не похоже на другую существовавшую в те же времена концепцию власти – концепцию царя-защитника.

возвращении Кабото сообщил, что в тех водах плавают гигантские косяки рыбы. Не удивительно, что после этого сообщения в Северную Америку было отправлено множество рыболовных судов. В следующем (1498) году Кабот отплыл в экспедицию из пяти кораблей, но ни один из них не вернулся..

⁴ Себастьян Кабот, или Себастьяно Кабото, (1477–1557) руководил несколькими экспедициями. Во время одной из них в поисках Северо-Западного прохода он пересек пролив и оказался в водах, которые принял за Тихий океан. Возможно, речь шла о Гудзоновом заливе.

10 мая 1553 года три корабля, развернув британский флаг Его Величества, вышли из порта Рэдклифф, расположенного недалеко от Лондона, и взяли курс на север. Ченслер находится на борту «Эдуарда Бонавантуры», Уиллоби отплыл на корабле «Бона Эсперанца», а командование кораблем «Бона Конфидерация» поручили Корнелиусу Дарфорту. Через два месяца экспедиция достигла Норвегии, а 31 июля оказалась у Лофотенских островов. Оттуда корабли отправились в неизвестность.

* * *

Карты, которыми располагали капитаны кораблей, вряд ли были им большой подмогой. Одна из таких карт – работа немца Мартина Вальдземюллера. Эта карта мира была напечатана в Вогезах в 1507 году. На ней местоположение и контуры Скандинавии показаны очень приблизительно.⁹⁸ На еще более древней карте, составленной другим немцем, Николаусом Германусом Доннусом (1482), и отражающей воззрения Птолемея, Скандинавия развернута с запада на восток и соединена на севере с загадочным массивом, который выходит за рамки карты.⁹⁹ Географы того времени представляли Северный полюс именно так – огромный остров или часть континента. Более новая карта, *Carta Marina*, изданная в 1539 году католическим священником из Швеции Олафусом Магнусом, несомненно, была самой точной и больше других отражала реальность.¹⁰⁰ На ней Скандинавский полуостров развернут по оси север-юг, его контуры очень узнаваемы, они тянутся от современного мыса Нордкап до *Oceanum Scythicum* (Баренцево море). На карту нанесены изображения маленьких человечков в остроконечных шапочках и рядом с ними – соболей. Человечки воинственно потрясают луками, грозя чужакам. *Carta Marina* иллюстрирована, она не может не производить сильного впечатления. Автор потрудились, размещая на ней этнографические сведения.

Однако, даже если у английских путешественников и была эта карта, она должна была внушить им тревогу. Ведь на пути, который им предстояло пройти, изображены морские пучины с гигантскими провалами – водоворотами. На карте видно, как мощные воды гонят корабли, рискнувшие двинуться к северу от Норвегии, напрямик к пропасти, поглощающей их. Смельчаков поджидают морские чудовища, одно страшнее другого. Красная гигантская морская змея обвилась кольцами вокруг корабля, ломая его, мореплавателям грозят встречи с огромными усатыми рыбами и морскими коньками – у них длинные хвосты и клыки, острые, как лезвия бритвы. С этими странными земноводными тварями лучше не сталкиваться! Наконец, существовало убеждение, что на северном Полюсе находилась «магнитная гора», таившая еще одну страшную опасность: магнит, повелевающий компасами, мог притянуть к себе все гвозди, все металлические швартовные кнехты и захватить корабли в плен.¹⁰¹

В начале августа «Бона Эсперанца» и «Бона Конфиденция» потеряли из виду третий корабль – «Эдуард Бонавантура». Он пропал без вести. Проглотило ли его морское чудовище? Два уцелевших корабля, держась рядом друг с другом, огибают Норвегию и выходят в Баренцево море, идут на восток – туда, где, как кажется капитанам, находится дорога в Китай. Вскоре показался западный берег Новой Земли – вытянутого острова, имеющего форму запятой. Но «Бона Конфиденция» дала течь. К тому же наступила северная осень, и мореплаватели решают вернуться в Лапландию и перезимовать там. 18 сентября 66 членов экипажа высаживаются на берег. Им было необходимо разбить лагерь.

«Мы вошли в бухту размером примерно в два лье, – пишет Уиллоби в судовом журнале. – Здесь много тюленей и других больших рыб, а на суше мы видели медведей, больших оленей, лисиц и еще каких-то странных животных, неизвестных нам, но прекрасных. Мы пробыли там неделю, становилось все холоднее, началась непогода с морозами, снегом, как будто уже наступила глубокая зима. Мы подумали, что будет лучше перезимовать там. Мы отрядили троих

купцов по направлению к югу и юго-западу в поисках людей. Они вернулись через три дня, так никого и не повстречав. После этого трое других купцов пошли на запад и отсутствовали четыре дня, а после них еще трое три дня искали людей на юго-востоке. Все они не добились успеха. Никто не видел людей, никто не заметил ничего, что походило бы на жилье». ¹⁰² Спустя четыре месяца, в январе 1554 года, Уиллоби и большая часть его людей еще живы, о чем свидетельствует завешание, обнаруженное на корабле. ¹⁰³ Но зиму 1553—1554-го никто из них не пережил. Они погибли, потому что им не хватило опыта: они разжигали импровизированные печи в вырытых укрытиях, — запишет позже один из последователей отважного капитана. ¹⁰⁴ Холод, голод и, как предполагают исследователи конца XX века, отравление угарным газом в примитивных убежищах погубили команду и самого Уиллоби.

«Эдуарду Бонавентуре» с капитаном Ричардом Ченслером повезло больше. Потеряв из вида два других корабля, Ченслер направляется к норвежскому побережью в надежде разыскать их, затем, с согласия экипажа, решает продолжить путь к конечной цели экспедиции. Его пример воодушевил команду. Они сочли, что лучше пойти на смерть с капитаном ради блага своей родины, чем повернуть назад, спасая себя и покрывая бесчестьем, ¹⁰⁵ — расскажет веком позже французский путешественник Ги Мьеж своим соотечественникам. Наступило лето с его долгими днями. «Эдуард Бонавентура» достиг неизвестного порта. Когда команда заприметила рыбачью лодку, перепуганные размером английского корабля рыбаки пали ниц перед незнакомцами. «Так мы узнали, что страна называется Русь, или Московия, — читаем мы в рапорте Ченслера, — и что правит этой страной государь Иван Васильевич». ¹⁰⁶ Англичане оказались в устье Северной Двины, неподалеку от Никольского монастыря, основанного когда-то выходцами из Новгорода. Англичан тепло встретили. Так была открыта новая страница европейской истории. Рыбаки-поморы немедленно отправили гонца в Москву с вестью о прибывшем корабле. Путь в Москву был дальним — сначала по Двине, затем по ее притокам до Вологды, откуда в столицу вела уже сухопутная дорога. Но не прошло и нескольких недель, как пришел ответ: государь приветствовал путешественников и приглашал Ричарда Ченслера в Москву. Англичан ждет торжественный прием. Прежде чем предстать перед царем, они, как и полагалось, провели двенадцать дней у ворот Кремля — таков был срок ожидания высочайшей аудиенции. Оказавшись наконец перед государем, Ченслер и его команда были поражены величием увиденного: «Государь возвышался на сидении очень высокого великолепного трона, на его голове красовались золотая корона и диадема, одет он был в платье, расшитое золотом, и держал в руке скипетр, украшенный прекрасными драгоценными камнями; однако помимо внешнего блеска, соответствующего его положению, было что-то величественное в самой манере держаться, гармонизировавшее с окружающей роскошью. Рядом с ним стоял главный дьяк в одежде, шитой золотом, далее находились бояре числом сто пятьдесят, все одеты очень нарядно и богато <...>. Столь высокое собрание, величие государя и великолепие обстановки могли заставить наших людей растеряться от изумления, однако капитан Ченслер, нисколько не смутившись, приветствовал государя и выразил ему свое почтение так, как это принято в Англии, и передал ему письмо от нашего короля Эдуарда VI». ¹⁰⁷ Англичане оказались не в Китае, как они мечтали, а в Московской Руси, у трона Ивана Грозного. Судьба привела Ченслера и его людей совсем не в те земли, куда они стремились, однако англичане постарались извлечь пользу из незапланированного путешествия, устроенного стихией. Что можно было купить в Московии в надежде разбогатеть после возвращения в Лондон? Лес, смолу, льняные ткани, масло, в которых нуждался стремительно развивавшийся флот Англии. Воск, который использовался при дворе, а также богатыми людьми для запечатывания писем и бумаг. Этот товар очень ценился, и его приходилось импортировать. И, разумеется, пушнина! Драгоценнейший товар, легкий, не портящийся, который вряд ли залежится. Товар, который конкуренты — Испания и Португалия — не смогут завезти на европейский рынок.

Однако англичане не забывают о цели своего путешествия. Они не прекращают расспросы о том, как добраться до «Катая» морем. Их интересуют и сухопутные торговые пути через русские и азиатские просторы, которые позволили бы добраться до Китая быстрее конкурентов. После аудиенции у государя купцы неустанно беседуют с новыми партнерами о маршрутах, ведущих на восток. Им необходима помощь русских, и они стараются убедить их в том, что сообща будет легче осуществить этот великий поход. Иван Грозный слушает гостей с интересом. Пути на северо-восток еще не разведаны. Рыбаки и купцы рассказывали о неприступных ледяных пространствах, поглотивших многих смельчаков. Никто не знает границ нового мира: открытый 60 лет назад Колумбом континент является отдельным или просто продолжением Азии. Иван Грозный также вполне мог держать в руках какие-то копии европейских карт, завезенные немецкими купцами. Осознавал ли он важность географического открытия, к которому подталкивали его английские гости? Как бы там ни было, он не мог не понимать, какую коммерческую выгоду может принести торговля с Востоком, особенно если он станет в ней посредником. Однако его смущает возбуждение англичан, выдающее их лихорадочное желание пробиться в новые земли и сорвать куш. Он не может допустить, чтобы чужаки вторгались в его земли, чтобы они вмешивались в торговлю русского государства и затрагивали его интересы. С годами это недоверие к иноземцам у царя будет только расти.

* * *

Но в ту осень 1553 года Иван Грозный решил, что прибытие англичан – большая удача. Это возможность проторить новый торговый путь, способный связать его государство с Англией и с Европой. Ченслер с товарищами прибыл вовремя, словно их вела сама судьба. Иван Грозный ведет войну против татарских ханов, ему наконец удастся взять Казань. Он готовится завоевать Астрахань и взять под контроль передвижение по Волге. Поэтому-то он надеется, что сможет обеспечить кораблям безопасный проход до Каспийского моря. Каспийское море может привести к оазисам Центральной Азии и Китая, если следовать по древнему шелковому пути, заброшенному из-за монгольского нашествия.

Иван Грозный ведет также войну со Швецией и Польшей, которые перекрывают ему доступ к Балтике и, следовательно, к торговле напрямую с крупнейшими европейскими державами – Испанией, Португалией, Венецией, Нидерландами, Францией и Англией. Уже много десятилетий царь и его предшественники бились над разрушением блока, противостоявшего Руси на Балтике. Московская Русь боролась, чтобы заполучить какой-нибудь порт – в Нарве, Ревеле (Таллин) или Риге – и добиться права торговать с Европой напрямую. Государству необходимо окно в Европу. И вот неожиданно на северных окраинах появляются англичане, предлагающие выход из положения. Конечно, это не совсем то окно, о котором мечтал Иван Грозный. Это, скорее, форточка, распахнувшаяся в доме под названием Русь. Но русский царь мгновенно понял, как много она значит.

Иван Грозный осыпает гостей милостями, чтобы они не уклонились от намерений совместного освоения нового пути. Англичанам даруют право свободной торговли на территории Руси, их освобождают от всех таможенных выплат, от всех налогов – при экспорте и импорте, при закупках и продажах. На фоне обычной практики царской администрации эти привилегии выглядят ошеломляюще и свидетельствуют о стратегической важности для Московии контактов с новыми потенциальными союзниками.

Если английские купцы хотят разбогатеть и обеспечить себе конкурентные преимущества в настоящем и будущем, то Иван Грозный заботится о политических интересах своего государства. Контакты с Англией обещали в перспективе контакты и с Европой, а следовательно, давали надежду получить то, в чем он больше всего нуждался: деньги и медь, чтобы чеканить монеты, а также оружие, снаряжение и новые технологии. Ивану Грозному были

нужны и специалисты – военные, ученые и врачи. Всего этого отчаянно не хватало во время военных походов против татар, шведов и поляков. Путь, проделанный Ченслером, должен был, по меньшей мере, позволить пополнить арсеналы, а возможно, еще и помочь заключить союз с англичанами против заклятых врагов Московии.

Несмотря на то, что у каждой стороны свои интересы, дело слаживается. Ченслер отбывает в Англию, увозя с собой царскую грамоту и дарованные купцам привилегии. Его корабль нагружен ценными товарами, в частности, вверенными ему северными купцами, – шкурками соболя, куницы, лисы и белки. «Эдуард Бонавентура» везет в трюмах будущие модные аксессуары: меховые воротники и шапки, – мы находим их на картинах фламандских и английских художников того времени. Меховые муфты очень полюбились женщинам из зарождающегося класса буржуазии. В моде меховые накидки, всюду использовавшиеся в начале XVII века, когда наступил так называемый «малый ледниковый период». Торговля мехами настолько доходна, что английские моряки, к глубокому неудовольствию своих нанимателей, напропалую занимаются контрабандой.¹⁰⁸

Ричард Ченслер приводит «Бонавентуру» в доки Лондона. Это настоящий триумф, заставивший на некоторое время забыть о двух других кораблях, о которых уже год как нет никаких вестей. Англия открыла новый морской путь, обещающий большие прибыли. Это преимущество в соперничестве с Испанией и ее правителем-католиком, преимущество тем более ценное, что король Испании, имеющий множество династических и семейных связей, сумел выторговать очень выгодные условия для судоходства на Балтике⁵. Разгружая трюмы, купцы, принявшие участие в предприятии Ченслера, мечтают, что разбогатеют на торговле с Русью еще до того, как достигнут Китая. Лондонские судовладельцы и предприниматели, не теряя времени, организуют свою деятельность так, чтобы получать наибольшую прибыль из нового предприятия и как можно дольше не выпускать привилегии из рук. Однако все не так просто. Ведь чтобы попасть на только что открытый рынок, необходимо обогнуть Скандинавию, а на этом пути можно столкнуться с датскими кораблями. Дания, упустив торговлю на Балтике,¹⁰⁹ которая происходила при посредстве англичан, теряла ценнейшие таможенные права и доходы страны-посредника. Другой поджидавшей мореходов опасностью были дрейфующие льды и северная стужа. Как показал горький опыт Уиллоби, плавание в арктических водах может быть успешным только в короткий промежуток времени: моря освобождаются ото льда в конце июня, но уже в августе нужно возвращаться. А ведь сам путь требует нескольких недель. Это значит, что нужно снаряжать сразу несколько кораблей – ведь в год можно совершить только одно путешествие. И еще одно затруднение – инвестиции окупятся не скоро. Получалось, что риски предприятия огромны и что нужны большие кредиты. Однако коммерческий гений англичан нашел выход. Уже в феврале 1555 года 201 человек, среди которых две женщины, основали Компанию английских купцов-«первопроходцев», готовых «открывать неведомые страны, территории, острова, доминионы и владения, то есть земли, куда еще никто из вышеназванных первопроходцев не добирался по морю или навигацией». Эта компания вскоре получила название Московской, или Русской, компании (*Russia Company*). Новая компания получила королевскую грамоту, в которой признается ее право торговать с любой частью света, где еще не побывали английские купцы до 1553 года. И, что особенно важно, за компанией закрепляется «монополия на торговлю с Русью и другими территориями, лежащими на севере, северо-востоке и северо-западе». Можно сказать, что Русская компания получила монополию на Север. Механизм тонко рассчитан: в обмен на эту привилегию пайщики компании берут на себя все экспедиционные риски, причем затраты и доходы делятся в зависимости от начальных инвестиций

⁵ Это соперничество выросло еще из конфликта в Нидерландах – развивающиеся провинции восстали против Испании при поддержке Англии. Несколькими годами позже конфликт найдет свое выражение в столкновениях на море и приведет к поражению непобедимой испанской Армады.

каждого. Королевство обеспечивает им покровительство на море и защиту их прав в конфликтах с конкурентами-соотечественниками. Для расчета рисков использовалась формула, которая со временем будет изменена и взята на вооружение Ост-Индской компанией и другими подобными организациями.¹¹⁰ Русская компания просуществовала до 1904 года.

Уже в мае того же 1555 года «Эдуард Бонавентура», по-прежнему с капитаном Ченслером, и «Филипп-энд-Мэри» снимаются с якоря и берут курс на русский север. Кроме торгового обмена, они хотят упрочить свои позиции, получить новые привилегии, завязать более тесные отношения с царем, а также попытаться отыскать корабли и людей Уиллоби, исчезнувших во время первого похода. Всем этим предстояло заниматься доблестному Ченслеру. В октябре 1555 года он получил аудиенцию у Ивана Грозного, который подтвердил ему полное свое доверие и право англичан торговать беспошлинно на территории его государства, юридические привилегии купцов, а также устройство представительства в Москве. Пока глава экспедиции пребывал в столице, английские корабли, груженные товарами, отправляются назад, в родные порты. По пути они обнаруживают «Бона Конфиденцию» и «Бона Эсперанцу», стоящими на якоре у побережья словно корабли-призраки. На борту останки тел членов экипажей. В 1557 году оба корабля попытались вернуть на родину, однако над ними словно нависло проклятье. «Бона Эсперанца» пропала в море, а «Бона Конфиденция» потерпела кораблекрушение у норвежских берегов. Через несколько месяцев и сам Ченслер утонул, когда «Бонавентура» потерпел кораблекрушение у берегов Шотландии.¹¹¹

Драматическое начало, обошедшееся, к тому же, в большую сумму – потери компании настолько велики, что ей пришлось немедленно прибегнуть к рекапитализации – нисколько не охладило пыл инвесторов. Русское государство и Англия обдумывают проект, рассчитанный на много лет. Этот проект трехсторонний: если русских представляет Иван Грозный, то со стороны Англии два участника – уже состарившийся Себастьян Кабот и Елизавета I, которую в 1558 году привела на трон череда удивительных событий. Конечно же, хорошие дипломатические и личные отношения между двумя правителями – основное условие успеха Московской компании. Почти тридцатилетнее противостояние Ивана Грозного и «королевы-девы», отраженное в письмах, которые доставляла сама компания, свидетельствует о том, насколько хрупкими были эти отношения. Купцы постоянно требуют новых привилегий и подтверждений предыдущих. Они пытаются устранить или принизить конкурентов, избавиться от соперников-англичан, пытающихся эксплуатировать их завоевания и представляющихся членами компании.

Английские купцы ждут от Елизаветы I компромиссов с Иваном Грозным, проявлений доброго отношения к нему. Королева хочет способствовать торговле и обмену товарами, она не против политики ответных уступок в Англии, тем более, что эта политика ни к чему ее не обязывает, пока русские не обзавелись торговым флотом и зависят от английских или европейских кораблей. Однако она не готова к заключению военного альянса, который столкнул бы ее с другими государями и «кузенами» из Швеции, Дании или Польши. Но Иван Грозный добивался именно военного союза, поскольку ему приходилось вести войны сразу на нескольких фронтах. К тому же некоторые военачальники перешли на сторону врага. Иван Грозный чувствовал шаткость своего режима, мысль о том, что Русь в осаде, что она отрезана от остального христианского мира, доводила его до иступления. Страшная эпоха татаро-монгольского ига не прошла бесследно.¹¹² Царь страшится изоляции страны и хочет ее модернизировать, не дать ей задохнуться. Он рассчитывает на помощь Московской компании. Начинается неразбериха, в обе стороны летят письма и гонцы, но если в этом кружении требований, уступок и недоразумений англичане заняты торговлей, то Иван Грозный – политикой. Русский царь добивается военного союза, он нуждается в оружии и в специалистах. Елизавета I вынуждена лавировать, сдерживая пыл как своего странного корреспондента, так и представителей Мос-

ковской компании, которые ждут от нее шагов навстречу русскому царю. Нужны специалисты? Охотно. Военные, моряки, инженеры и врачи оседают в Москве и на северных берегах. Оружие? Хорошо, но неофициально. Судя по переписке, английские корабли везли в трюмах не только ликеры, ткани и пряности. Когда шведы высказывают Елизавете I свое недоумение в связи с тем, что их противник неожиданно оказался неплохо вооружен, она самым искренним образом отрицает, что причастна к этому. Военная коалиция? Вот этого Елизавета I не может себе позволить. Она предлагает оборонный союз, который налагает на обе стороны обязательства только в случае нападения «в нарушение всякого правосудия», и исключительно после того, как агрессор, призванный к ответу, не сумеет доказать легитимность своих действий и откажется образумиться. Распечатав письмо, Иван Грозный, который совсем не глупец, впал в бешенство. Для чего нужен союз, от которого Елизавета I может отказаться в любой момент? Как смеет она не принять его предложения? Ведь он даровал англичанам столько привилегий, он открыл для караванов Московской компании прямой путь на Восток! И, что особенно показательно, царь шокирован поведением английской королевы. Как может она отодвигать стратегические интересы ради низких меркантильных соображений? «Мы думали, что ты в своем государстве государыня, – и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести и выгодах для государства, – пишет он Елизавете I 24 октября 1570 года, – поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли».¹¹³ К ужасу английских купцов, он приостанавливает привилегии компании и требует доказательств того, что в нем видят серьезного партнера. Гарант, что ему будет предоставлено политическое убежище, если дела пойдут совсем плохо. Почему бы не брак с какой-нибудь близкой родственницей Елизаветы I? Вот что по-настоящему скрепило бы союз между двумя правителями!

Королева оказалась в крайне затруднительном положении. Немало удивленная, вероятно, необычными требованиями русского царя, она передает ответ через его посланника. Елизавета I готова принять в Англии Ивана Грозного и его семью в случае, если несчастья, тайный заговор или нападение извне¹¹⁴ заставят его покинуть страну. Что же касается женитьбы, то королева начинает переговоры, которые тянутся много лет, всячески увиливает, заверяет, что намерения у нее самые искренние, даже удостоивает Ивана Грозного трогательного признания («всемогущий Бог, держащий в дланях своих королевские сердца, не даровал нам того расположения духа и тех чувств, которые привели бы нас самих на этот путь»¹¹⁵). Но, когда Иван Грозный назвал имя ее родственницы леди Гастингс, она снова тянет с ответом. В конце концов Елизавета I сообщает царю, что его предполагаемая невеста изуродована оспой. Несмотря на все проволочки, посланник Ивана Грозного, дворянин Фёдор Писемский, является, чтобы лично взглянуть на избранницу. Осмотрев леди Гастингс со всех сторон, он произнес загадочную фразу «Довольно!»¹¹⁶ и отбыл писать отчет своему государю, оставив англичан в тревожном недоумении. Только смерть Ивана Грозного положила конец этому сложному дипломатическому, торговому и сентиментальному казусу. Новость о ней, скорее всего, была воспринята Елизаветой I с облегчением.

* * *

Путь, по которому прошли англичане, недолго оставался исключительно их завоеванием. Не успел Ричард Ченслер вернуться из первого путешествия, как новость о новом прямом маршруте в Россию облетела все фактории Брюгге, Гента, Антверпена, Дьепа и Амстердама. Быстрее всех отреагировала Голландия. Обычно голландские торговые корабли, как и корабли других стран, шли за русскими товарами через Данию в порты Балтики. Завоевание эстон-

ского порта Нарвы армией Ивана Грозного создало возможность прямых контактов с русскими поставщиками. Однако русский порт на Балтике, основания которого так отчаянно добивался Иван Грозный, продержался недолго. Уже в конце 1581 года он опять перешел к шведам. Осмотрительные голландцы, искавшие прямых контактов с Русью, сумели обойти это новое препятствие. Они снарядили лучших моряков, чтобы те обогнули Скандинавию, вошли в устье Двины и бросили якорь у пристаней первого русского города, Холмогор, примерно в шестидесяти километрах выше устья. В 1578 году два конкурировавших голландских корабля, один из которых был зафрахтован Жилем ван Ейхеленбергом из Антверпена, а другой – французским гугенотом, ставшим гражданином Голландии, Балтазаром де Мушероном, причалили там один за другим.¹¹⁷

Очень быстро голландские купцы оттесняют английских конкурентов. Помимо безукоризненного владения самыми современными навигационными приборами, у Нидерландов есть еще один секрет успеха: скромный размер страны. Если Англия пробует себя в роли мощной державы, которую интересуют только собственные коммерческие интересы, Амстердам видит свое призвание в том, чтобы стать территорией международной торговли. В голландских факториях, открытых всему миру, продаются и обмениваются самые разные товары. Англичане экспортируют в Россию только свои традиционные изделия: шерсть, ткани, полезные ископаемые, оружие, продукты. Голландцы готовы предложить все, что угодно, лишь бы был спрос. Купцы из Голландии продают пряности и экзотические товары, например, китайский шелк, посуду с Востока, кофе и редкие товары из Америки и, главное, серебро из рудников Нового Света. Такой широкий набор предложений позволяет, конечно, расширить круг клиентов, но, главное, дает важное преимущество в контактах с Русью, поскольку из-за недостатка денежных резервов ее экономика основана главным образом на обмене. Расширение ассортимента увеличивает возможности обмена. Англия предлагает лишь шерсть и мушкеты, а Голландия привозит целый магазин! Пытаясь компенсировать свою политическую слабость, Голландия решается на предоставление кредитов с таким небольшим процентом, что русские купцы, действующие на внешнем рынке, как, например, Строгановы, охотно брали их, часто попадая в зависимость от кредиторов. В числе должников амстердамских торговых домов оказывается даже царский двор. И еще одно обстоятельство в копилку голландцев – прямое следствие обретенной ими независимости и религиозной терпимости, характерной для этой страны. Многие гугеноты – купцы и мореплаватели из европейских стран, которые пострадали от религиозных войн у себя дома, нашли убежище в Соединенных провинциях Нидерландов, где начали успешно торговать под флагом приютившей их новой родины.

Успех не заставил себя ждать. За несколько лет голландцы догнали, а затем и перегнали англичан, и это несмотря на то, что англичане торговали, не выплачивая налогов и пошлин. В первой половине XVII века три четверти торговых операций с Московской Русью,¹¹⁸ доступ к внутреннему рынку которой находился далеко на севере, перешло в руки голландцев. В 1583 году, через год после утраты Нарвы – русской гавани-однодневки на Балтике, Иван Грозный решил вложить большие средства в северные районы страны, чтобы поддержать возникший источник доходов. Он основал новый город – Архангельск, самый европейский из русских городов, выбрав место рядом с Михайло-Архангельским монастырем.

Царь, в соответствии со своим характером, считает внешнюю торговлю собственным делом. Многие товары объявлены «запретными» – поташ, смола, необходимая для изготовления корпусов кораблей, пенька, из которой изготавливаются тросы, то есть все, что используется в иностранных армиях и флотах. Их можно покупать только через царские торги. Зерно также не поступает в свободную продажу – оно экспортируется, как правило, когда из-за голода европейские цены на него взлетают. Зато на экспорт мехов и кож, особенно юфти, знаменитой мягкой кожи, из которой шьют высокую обувь, обтягивающую икры, не накладывается никаких ограничений. Все торговые операции между русскими купцами и иностранцами могут проис-

ходить только в Архангельске, на летней ярмарке, в июле и августе. Это правило позволяет контролировать все торговые контакты с иностранцами. Разгар ярмарки приходился на период между 20 и 30 августа, когда весь русский север стекается в Архангельск. В конце мая десятки торговых кораблей покидают Голландию и Фризские острова и берут курс на него. Корабли везут представителей процветающих торговых домов Фландрии или Голландии, которые постепенно оттесняют от самых выгодных дел своих конкурентов – сначала англичан, а затем еще и немцев и французов. Осенью русские купцы, среди которых, конечно, и Строгановы, отправляются вверх по реке и по ее притокам. Они доставляют купленные товары до волоков Вологды и Ярославля, а оттуда уже направляются в разные волжские города или в Москву.

* * *

Преемники Ивана Грозного построили на восточном берегу Двины, в новом порту, открытом для мира, крупный торговый центр – Гостиный двор. Его силуэт и сейчас – сердце архитектурного центра Архангельска. Гостиный двор состоит из трех внутренних дворов. Его главный фасад – толстая стена средневекового типа – тянется вдоль реки больше, чем на четыреста метров. По углам этого внушительного северного торжища – башни. Ворота открываются на пристани и на главные улицы города. Первый этаж Гостиного двора занимают склады, а второй образуют галереи с изящными арками. Крупные русские и европейские купцы принимают там гостей, каждый в своем помещении, среди стен, украшенных коврами или шкурами. Там ведутся переговоры о ценах на пушнину, которая в те времена составляла половину всего русского экспорта, или на импортные товары – металлы, порох, бумагу, материи, разную экзотику. Первый двор отводился для русских купцов, третий – для «немцев», то есть иностранцев, в частности, голландцев, а в центральном, похожем на крепость, сидели представители власти. Постепенно иностранцы обживают торговый квартал. Хотя существует формальное правило, согласно которому торговые операции могут происходить только во время ярмарки, самые предприимчивые купцы остаются на более долгий срок. Так как довольно часто случаются пожары, товары приходится закапывать – до следующего года. Некоторые голландские и английские семейства селятся неподалеку от Гостиного двора, в новом квартале – Немецкой слободе⁶, улицы которой устроены на европейский манер. Царь, опасаясь европейского прозелитизма и возможной слишком бурной реакции православной церкви или местного населения, ограничивает поселения иностранцев несколькими кварталами. Архитектура расположенных здесь домов и сейчас напоминает о том, что в XVI и XVII веках это был европейский квартал⁷. В нем строят мельницы, лесопилки, кожевни, и, наконец, появляется англиканская церковь с остроконечной колокольней, которая и завершает формирование экзотического облика этой части центра города. Жители Архангельска окрестили новые пристани, символ голландского влияния, *бруген* («мост» по-голландски).¹¹⁹

Торговля процветает, и во второй половине XVII века доходы от торговых операций, которые осуществляются в стенах архангельского Гостиного двора, могут составлять до двух третей бюджета Руси. Голландцы получали львиную долю. Около 1650 года, например, 90 % русских товаров, отправляющихся в Европу, проходят через Амстердам.¹²⁰ Голландский язык настолько распространен в отношениях с границей, что в XVII веке, когда русское посоль-

⁶ Прилагательное «немецкий» связано этимологически с прилагательным «немой» и указывает на то, как трудно было русским понимать речь иностранцев. Немцами могли называться любые иностранцы, просто среди них чаще всего встречались носители германских языков, в частности, говорившие по-голландски. В эту же эпоху в Москве также строится Немецкая слобода, где селятся иностранцы – временно или на постоянной основе.

⁷ Именно в этом квартале возник первый кинотеатр. Последние его жители покинули квартал и город в 1919 году после высадки европейских войск интервентов, прибывших на помощь белым, и последовавшей затем победы Красной Армии (Юрий Барашков, Вы сказали: Архангельск? Архангельск, 2011, с. 140 и след.).

ство было послано ко двору Людовика XIV, оказалось, что ни глава миссии, ни его переводчик не говорят по-французски. Так что русских переводили на голландский, а потом – с голландского на французский.¹²¹

А французы? Они долго не обращают внимания на суету, возникшую в Северной Европе, и не спешат отхватить себе кусок русского пирога. Франция, намного более населенное королевство, чем Англия и, уж тем более, чем Нидерланды, ведет очень скромную торговлю с русским государством. Обычно французы продают товары, предназначенные для северных и восточных рынков, голландским купцам, которые заносят их в свои каталоги. Речь идет, конечно, о винах, красных и белых, о «галантерее»,¹²² о бесконечном количестве аксессуаров для одежды и для украшения интерьеров, и особенно о соли – ценном товаре, который по-прежнему в дефиците на русском рынке. Но почему французы не продают свои товары сами, напрямую? Французский дипломат-резидент, находившийся при дворе датского короля, задается этим вопросом. Посла приводит в бешенство то, что его соплеменники упускают возможность влиться в поток, устремившийся в Московскую Русь, который он сравнивает со всеобщим рывком в Америку за несколько десятилетий до этого. Шарль де Данзей в посланиях, адресованных королеве-матери, регентше Екатерине Медичи, королю Карлу IX и кардиналу Ришелье, сожалеет о необъяснимом бездействии Франции. Он сообщает, что торговцы во французских портах вместо того, чтобы, разделив между собой риски, как это сделали англичане, а затем голландцы, торговать с выгодой, только и делают, что вставляют друг другу палки в колеса. Он умоляет призвать их к порядку – ради их же собственной выгоды. «Да соблаговолит Ваше Величество, – пишет он Екатерине Медичи в 1571 году, – призвать купцов Ваших подданных к исполнению своего долга. Нормандцы завидуют тому, чем торгуют бретонцы и их соседи, и все ненавидят парижан и средиземноморские города. Когда им предлагаются разумные вещи, к которым прибегают немцы, англичане, голландцы и граждане других стран, чтобы обеспечить безопасность и удобство торговли, они отзываются о них с похвалой и признают их необходимость и пользу. Но нет никакой надежды заставить их действовать так же, разве что они покорятся Вашему приказу и власти».¹²³ Кроме того, как продолжает дипломат, письма которого доказывают, что это был человек столь же прозорливый, сколь и упрямый, следует срочно направить посольство ко двору русского царя, чтобы выторговать такие же привилегии, которые заполучили конкуренты. Он начинает действовать без промедления и получает от датского короля, с которым у него установились особые отношения, право на беспоплатный проход для французских кораблей, направляющихся на север. Английские первопроходцы не имели такого права и держались вместе, чтобы уйти от датских военных кораблей, которые охотились за ними для взимания пошлины. Но ничего не меняется. Только купцы из Дьепа, частые гости на Балтике, видевшие, как Нарва перешла в руки русских, время от времени подумывают о том, чтобы последовать примеру англичан, и пытаются выяснить ситуацию. Данзей в Копенгагене раздражается: необходимо заручиться поддержкой русского царя, получить от него привилегии, и только от самих французских купцов зависит, сумеют ли они сравняться в этом с соседями. Так, в 1581 году, то есть через десять лет после письма королеве-матери, в котором впервые поднял эту проблему, он пишет: «Французские купцы настолько пристрастны друг к другу и завистливы, что ничего не станут делать вместе».¹²⁴ Год спустя Данзей снова обращается к королю: «Я докладывал Вашему Величеству, что французские купцы смогут свободно и безопасно идти в сторону севера, как в Данию, так и в Москву <...> Вы единственный, Сир, кому позволено такое свободное плавание!»¹²⁵

Наконец, 26 июня 1586 года, капитан из Дьепа Жан Соваж бросил якорь в Архангельске. Он привез первые грузы из Франции. Его принимает глава города – с радушием и... выпивкой. «Наши купцы, – пишет Соваж в записке, адресованной королю, – сошли на берег говорить с губернатором и отдать ему рапорт, как это принято во всех странах. Поприветствовав нас,

губернатор спросил, кто они, и когда узнал, что мы французы, то весьма обрадовался и передал через переводчика, который представил нас, что мы желанные гости, а потом взял большую серебряную чашу и наполнил ее. Надобно было выпить все до дна, а потом еще одну, а потом третью также до дна. Выпив три такие полные чаши, начинаешь думать, что с этим покончено, но нет, самое худшее идет в конце: надобно осушить еще чашу водки, столь крепкой, что от нее живот и горло горят огнем. Но и тут еще не все: поговоривши немного, надобно пить за здоровье государя, и вы не смеете отказаться. Таков обычай здешней земли – много пить».¹²⁶

Через тридцать три года после Уиллоби французы наконец-то добрались до Архангельска. Но дипломат Данзей пока не может вздохнуть с облегчением. Выяснилось, что по пути в Московскую Русь французский экипаж попытался обмануть датчан, предъявив фальшивые паспорта! И Данзей вынужден снова все улаживать...

Однако французы никогда не смогут догнать своих конкурентов. В 1615 году русский царь отправил Людовику XIII письмо с предложением дружбы, которое четырнадцать лет оставалось без ответа. И только в 1669 году, более чем через сто лет после англичан и три четверти века спустя после голландцев, Кольбер попытался решить эту проблему, вложив немалые государственные средства в Северную Компанию, призванную составить конкуренцию другим иностранным компаниям. В то время французский флот процветал. За двадцать лет торговый флот вырос в два раза, военный – в десять. Министру необходимы мачты из высоких деревьев, смола, ему нужны паруса из льна, канаты, все то, что в огромном количестве продается на ярмарке в Архангельске. Он хочет подрезать крылья Голландии, с которой Франция готовится вступить в войну⁸. Несмотря на все усилия и огромные денежные вложения, Северная Компания, затеянная министром Людовика XIV, продержалась не больше 15 лет. В 1683 году Кольбер умер, а два года спустя, отменив Нантский эдикт, король полностью перечеркнул надежды своего усопшего слуги, по сути выкосив французскую элиту. Гугеноты массово бегут в Голландию, которой и будут служить верно и преданно. И даже в Московскую Русь, которая их примет – к ярости «короля-солнца».

* * *

Коммерческая притягательность Руси и большие доходы, которые европейские державы надеются получить в ближайшей перспективе, не утолили жажду новых открытий и не остановили гонку в сторону Китая и Индии – через север. Свидетельства мореплавателей, столкнувшихся с дрейфующими льдами и утверждавшими, что дальше по морю продвинуться невозможно, не убедили географов и картографов. То был век Великих географических открытий, и многие умы испытывали оптимизм, граничивший с фантазиями. Всегда находились отчаянно храбрые предприниматели, на свой страх и риск финансировавшие походы в далекие страны, где якобы текли золотые реки. Мешают льды? Нужно обогнуть их с севера, ведь где-то там, на самой макушке Земли, есть более теплое судоходное море. Или же пройти по континенту, который еще не открыт. На карте Меркатора, опубликованной в 1596 году, у Северного полюса изображены четыре большие острова и море между ними.¹²⁷ Наблюдения на озерах показали, что они начинают замерзать с берегов. Не следует ли из этого, что и океаны ведут себя так же? Даже Михаил Ломоносов, родившийся в Архангельске и потому знакомый с детства с севером, великий ум, пытливый, на редкость прозорливый человек, заложивший в России основы современной науки, защищал эту теорию. Некоторые географы полагали также, что ледовые поля – скопления льдов, вынесенных реками. Они считали, что соленое море не замерзает.

⁸ Так называемая Голландская война шла с 1672 по 1678 год.

Английские и голландские моряки, твердо уверовавшие в данную гипотезу, мечтали первыми обнаружить мифический северно-восточный проход и предпринимали одну попытку за другой. Уже в 1556 году, почти сразу же после триумфального возвращения Ричарда Ченслера, почтенный Себастьян Кабот (которому в тот момент было уже более восьмидесяти лет) собирает экспедицию для поиска прохода на Восток под командованием Стивена Барроу, участника плавания Ченслера. Небольшой парусно-гребной корабль (пинас) «Зерхетрифт» (*Serchethrift* – дословно с немецкого «ищи выгоды») дошел до устья Печоры, встретив лодки рыбаков-поморов. Немного восточнее английские моряки вступили в беседу с другими русскими рыбаками, которые сообщили им, что едва виднеющаяся на горизонте суша называется Новая Земля. «Затем этот русский нам объяснил, что на Новой Земле есть гора, как он считал, самая высокая в мире», – рассказывает Барроу. «Я не видел той горы. Он также дал нам несколько указаний, как найти дорогу к реке Обь. Его звали Лошак», – завершает капитан с истинно английской решительностью. Барроу первым добрался до входа в Карское море. Пролив был перегорожен льдами, и пинас повернул назад.

Вслед за Барроу отправляются другие английские экспедиции. Всех манит величественная река Обь, впадающая в Карское море. Как рассказывал в 1549 году Сигизмунд фон Герберштейн, эта загадочная река. Говорили, что она берет начало в самом сердце Азии, в озере Катай, и, следовательно, по ней можно проникнуть прямо внутрь Китая. Однако ее сторожит идол Золотая Баба, видный издалика. В утробе Золотой Бабы ребенок, а внутри него – другой ребенок. Герберштейн даже нарисовал Золотую Бабу на карте, которая была у экипажа Барроу. Как бы ни пролегал путь – по земле или по морю – Обь должна была стать ключом к столь желанному Китаю. «За Обью находится теплое море»,¹²⁸ – пишет в 1578 году в Москве английский торговый представитель Черри в заметках, предназначенных для его лондонских сотрудников. В 1580 году Московская компания снаряжает в путь капитанов Артура Пэта и Чарльза Джекмена с заданием «попасть в страну и земли великого правителя китайского и в города Камбала [Хан-Балык, «город хана», Пекин] и Квинсей».¹²⁹ За этим путешествием пристально наблюдают из Европы. Находившийся в Дуйсбурге картограф Герард Кремер, более известный под латинизированным именем Герарда Меркатора⁹, приходит в бешенство от того, как легко моряки поворачивают назад. Ведь до Китая, как он полагал, было уже рукой подать! «Месье, – пишет он в 1580 году английскому арматору Ричарду Хаклюйту, организатору экспедиции, – я крайне недоволен тем, что, несмотря на потраченное время, не все необходимые инструкции были даны; надеюсь, что перед отплытием Артур Пэт был проинформирован относительно некоторых деталей. До Китая, несомненно, можно добраться легко и быстро, и меня немало поразило то, что после удачного начала и после того, как было пройдено более половины пути, путешествие было прервано и взят курс на Запад. Ведь прямо за Новой Землей находится огромный залив, в середине которого берут начало большие реки, по моему мнению, вполне судоходные.

Эти реки ведут в глубь континента, они могли бы использоваться для торговли разными товарами и для их доставки из Китая в Англию».¹³⁰ Пэт и Джекмен, доплыв до Новой Земли, несмотря на все старания, не смогли продвинуться дальше Югорского Шара, соединяющего Карское и Баренцево моря и полностью забитого льдами. «Непреодолимо», – решает Пэт. И все равно, что там думает Меркатор, дающий советы из своего кабинета.

И опять новый этап открывают голландцы. Эмигрировавший уроженец Нормандии гугенот Балтазар де Мушерон (его брата звали Мельхиор!), ставший частым гостем Московии, на протяжении десяти лет собирал разные сведения о таинственном морском пути. В 1593 году он отправляет составленные им отчет и рекомендации голландскому правительству, и, несколь-

⁹ Автор знаменитых карт, составленных в цилиндрической проекции Меркатора, особенно распространенной в 1570 по 1590-е годы и часто используемой и в наше время.

кими месяцами позже, четыре корабля покинули порты Амстердама, Энкхёйзена и Зеландии. Это первая крупная нидерландская экспедиция. Всего их будет три. И командует первой экспедицией Виллем Баренц.

Экспедиция 1594 года следует известным уже указаниям. Два корабля берут курс на север Атлантики в надежде обойти паковый лед через полюс. Баренц же, со своей стороны, впервые пытается обойти длинный остров Новая Земля с северной стороны, где еще никто, кроме русских, не бывал. Экспедиция привозит самую разнообразную информацию, она открывает «новые» острова, немедленно получившие голландские названия, а также гигантские – в несколько сотен – колонии моржей, «огромных морских чудищ, во много раз превосходящих размеры быков», ¹³¹ которые произвели большое впечатление на матросов. Экспедиция обнаружила также православные кресты, могилы и избушки русских рыбаков, находившиеся очень далеко на севере. Одно из этих мест, известное сейчас как бухта Строганова, возможно, было охотничьей базой знаменитых купцов. Однако Баренц не смог преодолеть «Ледовое море». Он хотел перезимовать, чтобы продолжить плавание на следующий год, но, несмотря на его протесты, было решено отправиться обратно. Моряки составили общее заявление: «Мы, нижеподписавшиеся, заявляем перед Богом и людьми, что сделали все, что зависело от нас, чтобы пройти через Северное море и достичь Китая и Японии в соответствии с данными нам инструкциями». ¹³² Вторая попытка, состоявшаяся годом позже, не принесла ничего нового. Лед полностью перегородил проходы в Карское море. Но Баренц не отказывается от своего плана. Он упрям, и он хочет вернуться туда, где прервалась его последняя экспедиция. К тому же город Амстердам пообещал выплатить двадцать пять тысяч флоринов тому, кто сможет пробиться через северо-восток в сторону Китая. Купцы соглашались снарядить третью экспедицию из двух кораблей, но, опасаясь, вероятно, слишком авантюрного склада характера Баренца, настаивают, чтобы он шел только в качестве главного штурмана. Экспедиция покидает Голландию 10 мая 1596 года. Ни один из кораблей не вернется. 17 июля корабль, на котором находился Баренц, оказался у Новой Земли. 19 августа голландцы проходят мимо ее самого северного мыса, который называют мысом Желания. 21-го они остановлены льдами в небольшой бухте на мелководье. 26-го корабль окончательно сжат льдами, льдины напирают с такой силой, что его корпус не выдерживает.

«Корабль был совершенно окружен и сжат льдом; все около него стало трещать, и казалось, что он разламывается на сто частей; это было ужасно и видеть, и слышать; волосы становились дыбом при столь страшном зрелище», ¹³³ – записывает Геррит де Веер (де Фер, в отечественной традиции), который вел дневник экспедиции. Однако самое страшное ждало впереди. Европейцы были плохо знакомы с арктическим климатом, у экипажа не оказалось ни подходящей одежды, ни многих предметов, необходимых для ставшей неизбежной зимовки на этой широте. Из досок палубы и корпуса моряки построили жилище – дом с очагом в самом центре. Но безжалостный холод проникал и туда. Запись от 6 декабря: «Скверная погода, при восточном ветре, принесла нам тягости и такой сильный холод, что он был почти невыносим. Мы с жалостью смотрели друг на друга, опасаясь, что если мороз будет еще усиливаться, то мы погибнем от холода, так как хотя мы и развели сильный огонь, но все же не могли согреться; даже благородное испанское вино, которое очень горячо, совершенно замерзло от холода». ¹³⁴ Запись от 27 декабря: «В доме же стояла такая сильная стужа, что даже когда мы сидели перед большим огнем, почти обжигая ноги, то спины у нас зябли, и они были покрыты инеем». И в довершение, словно всего этого было мало, начинается цинга. 14 июня следующего 1597 года голландцы, полуживые и измученные жестокой зимой, покидают свое жилище, чтобы попытаться спастись на лодках. Баренц и многие другие тяжело больны. 16 июня они снова проплывают мимо мыса Желания. Баренц просит, чтобы его подняли: «Я хочу еще раз посмотреть на него». 20 июня он говорит: «Мне кажется, что я протяну недолго, – а потом просит, –

Геррит, дай мне напиться». Де Веер свидетельствует: «Он закатил глаза и неожиданно скончался».¹³⁵ Встретившиеся рыбаки-поморы помогли остальным членам экипажа добраться до русских берегов. Это произошло 2 сентября 1597 года. С тех пор северное море носит имя главного штурмана Баренца. Люди Баренца узнали от подобранных их рыбаков, что те каждый год проходят в Карское море. Рыбаки поведали также, что дальше находятся большие реки: легендарная Обь, а также Енисей и еще одна – третья – река, которую голландцы записали под именем «Молконзей». Мангазея, богатейшая Мангазея! Эта страна, по словам поморов, настоящий рай для искателей пушнины. Сказано достаточно, чтобы надежды и страсти вспыхнули с новой силой.

В конце XVI века надежды пройти наконец по северо-восточному пути стали таять. Московская компания профинансировала еще две экспедиции – 1607 и 1608 года, которые возглавлял знаменитый мореплаватель Генри Гудзон (*Hudson*), но потом решила отказаться от дальнейших попыток. Голландцы Ван Керкховен (1609), Джан Мэй и Корнелиус Босман (1625) также потерпели поражение. Несмотря на собранные сведения и очень точные указания русских промышленников, которые умело лавировали между льдинами, европейским путешественникам не удастся добиться цели. Иностранцы, которые остались в России и поселились в «немецких» слободах Москвы и Астрахани, полагали, что этот вопрос закрыт. В 1608 году голландский купец Исаак Масса писал: ««Я прекрасно знаю и могу это доказать, что этот северный путь закрыт и что все желающие его открыть претерпят неудачу в своих попытках»».¹³⁶ Исаак Масса жил в Москве и говорил по-русски. Его информативные записки о принявшей его стране позволяют видеть в нем главного иностранного эксперта по русским делам. Он действительно был первым из вереницы ярких граждан Нидерландов в России. Достаточно назвать, например, Николаса Витсена, будущего бургомистра Амстердама и активного сторонника сотрудничества обеих стран, или Андриеса Виниуса¹⁰, видную фигуру при русском царе. Эмигранты, прочно осевшие на новой родине, советуют европейцам сконцентрировать усилия на контактах с Русью и на покупке пушнины. Они рассказывали, что жители Оби и Мангазеи добывают множество соболей, чернобурых лисиц и песцов самых невероятных раскрасок.

У торговых держав Европы есть и другие причины отказаться от поисков северо-восточного пути. Голландия, сильная и процветающая, укрепилась на мысе Доброй Надежды, и ее корабли плывут к Ост-Индии (современная Индонезия), чему Португалия уже никак не может помешать. Кроме того, англичане активны у африканских берегов и в Северной Америке, они ищут проход к Китаю, но уже северо-западный, в обход Канады. После неудачи в Московии Генри Гудзон целиком отдается этим поискам, унеся в конце концов его жизнь. Однако, несмотря на падение интереса к мифическому пути в Китай, Мангазея и Обь, загадочная Сибирь с ее недоступными богатствами по-прежнему тревожат воображение. Спрос на меха только растет, и купцам не терпится заполучить побольше этого товара непосредственно на родине «мягкой рухляди», о существовании которой они узнали от европейских мореплавателей и их русских информаторов. Русские, не имевшие в своем распоряжении торгового флота, полностью зависели от западных партнеров, которые и продавали лучшие товары Московии на самых крупных ярмарках. Когда крупные русские торговые дома доставили сухопутным путем через Хойештрассе в Голландию меха, чтобы самостоятельно их продать, то местные торговые корпорации не позволили им этого сделать. В 1567 году корабль, принадлежавший Московской компании, привез русских купцов в Англию. Их представили королеве Елизавете I, но в беспощадной торговле отказали, а они очень надеялись на эту привилегию, ведь русский царь

¹⁰ Андрей (Андриес) Виниус (1641–1716), сын купца-эмигранта, стал одним из виднейших деятелей при царском дворе. Он возглавлял Почтовое ведомство, Аптекарский и даже Сибирский приказ. Переводчик и сподвижник Петра I с его молодых лет, Виниус немало способствовал упрочению позиций Голландии, служившей для русского царя образцом. Петр I подолгу жил в Нидерландах, где вербовал специалистов. Свою новую столицу Санкт-Петербург Петр I строил по модели Амстердама и даже использовал национальные цвета Голландии (хоть и в обратном порядке) для нового бело-сине-красного флага России.

дал ее англичанам.¹³⁷ Но без собственных кораблей русские купцы бессильны. Они связаны по рукам и ногам и никак не могут быть конкурентами. Европейцы же, пользуясь своим преимуществом на море, стараются еще больше усилить свои позиции. Осенью 1583 года сэр Джером Боус (Еремей Баус), посланник королевы Елизаветы I, получил аудиенцию у Ивана Грозного. Видя успех голландцев, он просит царя, чтобы тот предоставил англичанам монополию на вход в порты северной Руси. Английский посланник известен своим вспыльчивым нравом. Он считает себя вправе требовать для англичан возможности торговать на востоке, в устьях Печоры и Мезени, где промышляют охотники, а также на Оби – в том случае, если мореплавателям удастся туда попасть. Иван Грозный болен, ему осталось жить несколько месяцев, однако наглое требование гостя ему очень не понравилось и наделало переполоха в Сибирском приказе. Царь заметил, что «Печора, да Изленди, да река Обь... те места в нашей отчине очень далеки от тех мест, которых могут достичь английские купцы. И, как сообщают свидетели, добавил с разоружающей откровенностью: «в тех местах ведутца соболя да кречеты; и только такие дорогие товары, соболя и кречеты, пойдут в Английскую же землю, и нашему государству как бес того быти?»¹³⁸

Посланнику Боусу решительно отказано в просьбе. Одно из последних распоряжений Ивана Грозного перед смертью – запрет всем иностранцам приставать к берегам Печоры и других рек восточнее Белого моря и Архангельска. Строгановы лично просили об этом тяжело больного государя.¹³⁹ Тем временем стало известно, что некоторые английские, а также, вероятно, голландские мореплаватели, пренебрегая запретами русской администрации, решили, что смогут безнаказанно пройти вглубь континента и рискнули присоединиться к поморам. Англичанин Антоний Мерш, поверив их заверениям, что «до устья Оби не очень трудно проехать», снарядил два морских судна, построенных по поморской модели, с командой по десять человек на каждом.¹⁴⁰ Экспедиция оказалась очень удачной и вернулась с богатой добычей. Однако на обратном пути ее участников задержали и бросили в темницу, а пушнину отняли. Эта попытка, скорее всего, была не единственной. Возможно, и другие смельчаки добирались за Урал. Англичанин Джером Годсей, разговаривавший в Москве с захваченным в плен сыном одного татарского вельможи, сообщил своим лондонским нанимателям из Московской компании, что тот упомянул какой-то корабль, на борту которого находились «некие англичане» или, по крайней мере, похожие на него люди. Этот корабль потерпел крушение в устье Оби, что позволило татарам завладеть «пушками, порохом и другими богатствами».¹⁴¹

* * *

Европейцы продвигались к востоку, будь то с согласия царя или самовольно. Напряжение нарастает. Осознавая уязвимость режима Ивана Грозного, некоторые европейские стратеги строят планы завоевания северной Руси с моря. Почему бы не завладеть всем, что есть в этой стране? Почему бы не завладеть и Москвой? Немец Генрих фон Штаден, досконально изучивший суть русской власти, поскольку состоял в царской опричнине, вернувшись, вступает в сговор с одним из немецких пфальцграфов (Георгом Гансом Вельденцким). Они хотят предложить Рудольфу II, императору Священной Римской империи, план завоевания северной Руси. Как пишет фон Штаден, нужно отправить флот на север, поскольку «русские не ходят в море; у них нет кораблей и морем они не пользуются».¹⁴² Дания, города Ганзы, Испания, конечно же, предоставят несколько сотен военных кораблей. Наверняка «шкипера и лоцманы найдутся в Голландии, Зеландии, в Гамбурге и в Антверпене».¹⁴³ Несколько тысяч вооруженных людей могли бы затем захватить порты, куда «голландцы и антверпенские [торговые люди] привезли бы несколько сот колоколов, взятых из монастырей и церквей»,¹⁴⁴ и установить контроль над

реками и городами. Фон Штаден подробно описывает, как должны развиваться события. Пленного Ивана Грозного, его сыновей и казну доставят к границе Римской империи, затем царскую семью отправят в горы, откуда они смогут видеть Рейн и Эльбу.

Победители приведут туда также и захваченную в плен русскую армию и перебьют всех. Затем, согласно плану, следует у трупов перевязать «ноги около щиколоток и, взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по 30, по 40, а то и по 50 трупов, <...> бревна с трупами надо сбросить затем в реку и пустить вниз по течению» для того, чтобы Иван Грозный убедился, «что истинно наше [писание], хотя он и думает, что он служит богу праведно». ¹⁴⁵ Этот проект, долгое время хранившийся в тайне, остался лишь на бумаге. Однако возникали и другие планы завоевания севера, тем более, что после смерти Ивана Грозного и регентства Бориса Годунова наступает эпоха нестабильности, интриг и иностранной интервенции, в частности, со стороны Польши. Иностранные наемники наводняют Русь, чтобы воспользоваться в полной мере тем периодом, что останется в русской истории как «Смутное время», и урвать свой куш. Летом 1613¹¹ года король Англии Яков I, занявший престол после Елизаветы I, получил от бургундского капитана Маржерета, участвовавшего в качестве наемника в гражданской войне, которая бушевала на Руси, предложение начать наступательную кампанию и «захватить землю в Архангельске». Маржерет считал Архангельск «весьма подходящим и удобным» местом для того, «чтобы продвинуть дело <...> тем более, Сир, что Ваше Величество завладеет портом Архангельска, на который у них вся надежда, тем самым они не только будут разорены во всей своей торговле, но также лишатся надежды на получение помощи из военного снаряжения и прочего необходимого, по большей части идущего из этих краев». ¹⁴⁶ Маржерет убежден, что русские взбунтуются, как только представится случай, и что они «мечтают единственно о том, чтобы иметь какого-нибудь иноземного государя, под которым они могли бы наслаждаться надежным миром». Если Его Величество, которое, по мнению французского офицера, является «ужасом антихриста, грозой турок, страхом татар и всех врагов» соблаговолит ввязаться в эту авантюру, сулящую большую выгоду, то, скорее всего, подданные Его Величества, «торговцы торгующей там компании, охотно примут участие, чтобы затем единственными вести там торговлю». ¹⁴⁷

Король Яков I предпочел не ввязываться в предложенную авантюру. В тот момент, когда Маржерет заканчивал писать свою записку, Московская Русь только-только начала выбираться из смуты, произвола, войн и казней. У нее появились новый царь и новая династия – династия Романовых. Потребовалось еще несколько лет, чтобы все успокоилось окончательно. Но в 1620 году царь пришел к тому же выводу, что и его предшественники. Нужно было остановить продвижение европейцев на северо-восток по морю. В 1620 году этот путь оказался под замком – нарушившему запрет грозила смертная казнь. Северный путь останется запретным до XIX века. В сибирской летописи, известной как Рemezовская, устье Оби описывается как абсолютно непроходимое для человека, скованное с незапамятных времен льдами, никогда не тающими под солнцем. ¹⁴⁸ Неизвестно, является ли это суждение плодом воображения летописца или специальным приемом, призванным охладить пыл иностранцев. Царь распорядился поставить вдоль побережья охрану, вынуждая купцов выбирать дорогу через Урал. Сухопутный путь к этому времени уже был проторен. Сибирь стала доступна.

¹¹ Российские историки датируют этот документ, недавно ставший предметом подробного исследования, периодом между маем и октябрём 1613 года.

Урал позади

Строгановы были первыми всюду – на ярмарках, на реках, на северных факториях. Конечно, они не могли остаться в стороне от завязавшейся торговли с иностранцами по Ледовитому океану. Устье Двины и Архангельск находятся не так далеко от их «столицы» – Сольвычегодска, при хорошей погоде всего несколько дней по реке. Купцы Строгановы, как это им свойственно, мгновенно понимают, насколько выгоден обмен с гостями издалека. К какому времени относится первый подписанный ими контракт с англичанами? Точно неизвестно, но в великокняжеских архивах, начиная с 1552 года, то есть еще до создания Московской компании, содержатся упоминания о переданных Строгановым царских заказах «товаров английских и неанглийских». Строгановы к этому времени уже уважаемые поставщики русского царя. Как полагают российские историки, Аника, скорее всего, разместил своих представителей и перекупщиков повсюду, вплоть до Мурманского побережья. Строгановы, как обычно, отстроили там несколько сараев и церковь, создав русский аванпост для европейских мореходов, еще не осмеливавшихся двинуться дальше на север. По всей видимости, высочайший клиент остался удовлетворен товарами и услугами Строгановых, поскольку в последующие годы он возобновляет заказы. Строгановы расширяют торговую сеть, открывают магазины в Холмогорах, а потом в Архангельске. Иван Грозный настолько доволен, что в 1570 году появляется его указ, согласно которому Анике и его сыновьям поручается контролировать от имени государства торговую деятельность «английских немцев» (*sic*) и других иностранцев. В частности, царь приказывает следить, чтобы гости занимались оптовой торговлей, а не розничной, чтобы они не покупали коноплю, из которой могли бы потом изготавливать корабельные снасти, и, наконец, чтобы к ним не попало запрещенное к продаже железо.¹⁴⁹

Царь сделал Строгановых, ставших уже его личными поставщиками и могущественными посредниками в делах, настоящими государственными управленцами. Любой, кто хотел иметь солидный товарооборот, вынужден становиться их партнером. Конечно же, Строгановы не могли не пользоваться столь выгодным для них положением.

Они приглашали англичан добывать железо на своей земле в Сольвычегодске и, благодаря заграничным технологиям, через несколько лет на их предприятиях техника извлечения и плавки достигла нового уровня. Амбиции Строгановых растут. Стечение обстоятельств или следствие усвоенной ими новой роли? В тот же год, когда царь своим указом превратил их в полномочных инспекторов внешней торговли, Строгановы выкупают в Ярославле пленного фламандца по имени Оливье Брюнель. Этот человек уже много лет гнил в царской темнице. Поступок очень мудрый: Оливье Брюнель – человек выдающийся, наделенный редкими качествами. Он родился около 1540 года в Брюсселе или в Лувене и очень рано начал интересоваться спорами о северном пути и таинственном проходе в Китай, бушевавшими в кругу фламандских и брабантских торговцев, а также в мастерских картографов. Встречался ли Брюнель в юности со знаменитым Меркатором, в то время еще не покинувшим католический университет и не обвиненным в ереси? Или самостоятельно решил пуститься в авантюру, когда поднялся на борт одного из антверпенских кораблей? Мы знаем лишь то, что этот фламандец находился на одном из первых голландских кораблей, пробивавшихся в Московскую Русь по северному пути. Он намеревался «спекулировать» и для этого учил русский язык. Однако в порт он попал в сопровождении караульных. Корабль, на котором он плыл, был досмотрен по доносу одного английского торговца, стоявшего на страже монополии своей страны. Брюнеля обвинили в шпионаже. Но это происшествие имело и положительную сторону: Брюнель, в отличие от своих соотечественников, получил возможность остаться в Московской Руси. Еще ни один из нидерландских капитанов не ступал на русскую землю. Брюнель же за долгие проведенные в тюрьме годы выучил язык, в том числе и простонародный. Когда Строгановы

вытащили его, оказалось, что желание Брюнеля свести счеты с англичанами и их компанией вполне на руку русским «олигархам». Они отправляют своего нового брабантского агента вниз по Волге – в Казань и Астрахань.

Брюнель развивает активную деятельность, налаживая торговые связи, в том числе с Центральной Азией и Китаем. Он плавает по северным морям и, конечно, совершает торговые операции со своими соотечественниками, представляя отделение торгового дома «Строганов и сыновья». Он знает всех – от старьевщиков Брюсселя до скорняков Архангельска, от арматоров Антверпена до аборигенных охотников Урала. Его неустанные труды прославили имя Строгановых, так что и полвека спустя нидерландские хроникеры Исаак Масса и Николаас Витсен будут расхваливать эту династию купцов.¹⁵⁰ К сожалению, об этом удивительном пленнике и его путешествиях известно немного. Из переписки одного прибалтийского торговца, у которого Брюнель гостил, мы знаем лишь, что он очень много ездил по делам своих хозяев. Некоторые историки¹⁵¹ полагают, что Брюнель сопровождал Строгановых в их путешествии через заснеженные перевалы Урала до берегов Оби. Возможно, ему удалось дойти по морю до устья Оби, где он повстречался с самоедами (ненцами), тундровым народом, и вступил с ними в общение. На лодьях поморов – старых знакомых Строгановых – Оливье Брюнель добрался через льды Карского моря в места, куда не сумели попасть европейские первопроходцы. Он проплыл по гигантской реке, хотя мы точно не знаем, до каких мест, – по той самой реке, о которой грезил географы и богатые фрахтовщики Европы, полагавшие, что она ведет в самое сердце Китая. В 1576 году Брюнель вернулся во Фландрию. с ним приехали в Европу двое Строгановых – один из сыновей Аники и, вероятно, его племянник, чтобы наладить новые связи, найти партнеров для финансирования своих проектов и защищать права своего торгового дома в судах голландских городов. Втроем они побывали в Дордрехте, Париже и Антверпене. Русские купцы хотят иметь собственных представителей на ярмарках Фландрии и Голландии. Богатые города с высокими домами из тесаного камня, с треугольными фасадами и разноцветными стеклами, должно быть, потрясли Строгановых, привыкших к деревянной архитектуре своей страны. Брюнель тоже изумлен: он обрел родную страну, но нашел ее разтерзанной конфликтом между католиками и протестантами и нарастающей враждой между северными (будущие Нидерланды) и южными (будущая Бельгия) провинциями. Осенью 1576 года Брюнель и его спутники находятся в Антверпене. В ноябре солдаты испанского короля, владеющего Фландрией, взбунтовались из-за невыплаченного жалования. Испания разорена, банки отказываются платить. Большой порт на Шельде разграблен. В резне, длившейся не один день, погибло от пяти до восемнадцати тысяч горожан, вся центральная часть города уничтожена огнем.¹⁵² Богатые купцы, которые симпатизировали кальвинистам или лютеранам, подумывают о том, чтобы бежать в Голландию. До нее – рукой подать, туда уже перебрались многие судовладельцы, например, братья Мушерон. Несмотря ни на что, Оливье Брюнелю удастся уговорить Гиллеса Хофтмана и семью ван де Валле довериться ему и рискнуть – вложить деньги в путешествие в Московскую Русь и Китай. Когда в 1577 году авантюрист из Брабанта уезжает на свою вторую родину, с ним отправляется Де Валле. А что Строгановы? Действовал ли он от их имени? Предполагалось ли совместное дело? Об этом ничего не известно. Через четыре года Брюнель вернулся в Нидерланды. По его словам, Строгановы ему поручили набрать экипаж для двух строящихся кораблей.¹⁵³ Он искал моряков в Антверпене, Амстердаме, на Шельде, чтобы попробовать, на этот раз уже с помощью русских, дойти до Оби, а по ней до Китая, и привезти оттуда обещанные горы золота. Побоялись ли моряки пуститься навстречу льдам? Или средств было недостаточно? Экспедиция, подготовкой которой занят Оливье Брюнель, – не просто очередная попытка пробиться по северному пути, она часть гораздо более амбициозного плана. В Антверпене он разговаривал со многими географами, в частности, с Абрахамом Ортелием, выпустившим незадолго до этого первый известный нам атлас мира. Все они

убеждают Брюнеля, что нужно добраться до Оби, – по их мнению, идеального и легкого пути в Китай. Брюнель знает, что огромные реки, как и бескрайние пространства, примыкающие к ним за Уралом, весьма негостеприимны. Северную часть этих земель занимают народы тундры, а южные степи по-прежнему контролируют татары и хан Кучум, старый знакомый Строгановых. Чтобы попасть в Сибирь, нужно победить Кучума. В 80-е годы XVI века именно об этом думают Строгановы. И важная составляющая этого плана – экспедиция, о которой Брюнель хлопочет в портах Нидерландов. Пока Брюнель находится в Европе, Строгановы готовят сухопутную экспедицию, с которой собираются соединиться, поднимаясь по Оби от ее устья. Так, по крайней мере, считают современные российские историки.¹⁵⁴

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.